

Г. В. Сакович

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Галина Владимировна Сакович

Повороты судьбы.

Воспоминания

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510237
ISBN 9785449008084*

Аннотация

Книга написана на основе воспоминаний автора. Показана драма обычной советской семьи, пережившей арест близких родственников, ссылку в Сибирь, сталинские лагеря, террор немецких оккупантов. Голод, лишения, горести члена семьи «врага народа» – судьба нормального порядочного человека, на которой сказалась душливая атмосфера той страшной эпохи. Казалось, что всё позади, но... нет. Настали 80-е годы XX века, а отголоски репрессий еще чувствовались, но в другой форме.

Содержание

От автора	5
Глава I. Детство	8
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Повороты судьбы Воспоминания

Галина Владимировна
Сакович

*Моим дорогим родителям
посвящается.*

*Пусть эта книга будет
им нерукотворным
памятником*

© Галина Владимировна Сакович, 2018

ISBN 978-5-4490-0808-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Двадцатый век – это век мучеников. Многим людям, жившим в это столетие в нашей стране, досталась страшная судьба: революция, интервенция, Гражданская война, раскулачивание, репрессии 30—50-х годов, Финская, Великая Отечественная войны, Афганистан, Чечня; голод – 1921, 1933, 1941—1947 годы. Не много ли это для одного поколения? Для одного государства? Об этом следует знать молодым – чтобы извлекать уроки из пережитого нами.

Долгое время о массовых политических репрессиях в нашей стране умалчивалось, информация была недоступна для исследований. Пришли новые времена, и раскрылась правда – другая, подлинная история нашей страны, обогретьная кровью людей. И все-таки писать об этом было непросто. Я не без колебаний взялась за свои воспоминания, и в 2004 году вышла в свет моя первая книга «Повороты судьбы». На нее пришло много теплых отзывов. Среди них – из Администрации Президента Российской Федерации.

В первом письме были такие слова: «Искренне благодарим Вас за активную жизненную позицию...»

Второе было следующего содержания:

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**Управление Президента Российской Федерации
по работе с обращениями граждан**
103132, Москва, ул. Ильинка, д. 23

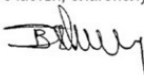
№ А26-09-209200 от 23.06.2005

Сакович Г. В.

Уважаемая Галина Владимировна!

Большое спасибо за Ваше письмо и книгу, которые Вы прислали на имя Президента Российской Федерации. <...> Книга передана в Библиотеку Президента Российской Федерации. Желаем Вам и Вашим близким доброго здоровья, счастья, благополучия.

Зам. начальника Управления

В. Д. Матвеев

Это воодушевило меня на написание второй книги «Повороты судьбы». В ней я более подробно рассказываю о том, как на нашей семье отразились события, происходящие в стране, как политические репрессии повлияли на судьбы близких мне людей. Отец безвинно погиб в лагере. Не обошла горькая участь и мать – тоже тюрьмы, унижения. Наша семья не единственная, пострадавшая от террора, – это драма всей страны. Как все это страшно!

Многого нас лишали, многое было под запретом. Опасно было вести переписку с родственниками, живущими за рубежом, а не только встречаться с ними. О них и говорить-то боялись, тем более – устанавливать и поддерживать родственные связи. Это была не жизнь, а выживание. Тысячи и тысячи исковерканных судеб, разрушенных семей, детей, потерявших своих родителей. Мы очень мало знаем об узни-

ках ГУЛАГа, а особенно об их детях. Так не должно быть. Я хочу, чтобы люди знали, что этим детям пришлось пережить в тот период, а также когда они стали уже взрослыми. Дети «врагов народа» – это невольные свидетели террора сталинской эпохи.

Те времена давно прошли, казалось, урок преподнесен и сделаны выводы, но в 80-е годы XX века, в конце трудовой деятельности, в моей жизни произошло событие, заставившее сначала невольно, а потом осознанно провести параллель с годами репрессий – я почувствовала их отголоски...

В моей жизни были такие моменты, когда казалось, что жизнь заходит в тупик. Душевная боль, обида от несправедливости людей просто терзали моё сердце, но, собравшись с силами, я продолжала бороться и все-таки находила выход. Меня всегда направляла и утешала безграничная любовь к невинно пострадавшим родителям, к моей Родине – России.

Думаю, что книга затронет каждого равнодушного человека. Я буду рада, если она поможет читателю в чем-то открыть самого себя, наведет на размышления о своей семье, ее связи с судьбой Родины.

Глава I. Детство

Город, где мы жили, был типично уральским с присущими ему особенностями. Раньше такие поселения называли не городами, а заводами. Они были разбросаны по всему Уралу. В каждом из них был завод по производству металла или изделий из него.

Наш город назывался Верхняя Салда, а завод, находящийся в нём – Стальмост. На окраине города была железнодорожная станция. Отец работал начальником станции. Квартира наша находилась с обратной стороны здания вокзала. Перед окнами располагался небольшой садик, затем перрон и железнодорожные пути, по которым постоянно ходили поезда.

Мы с сестрой часто играли в пристанционном садике. В нём росли огромные тополя, кусты боярышника и были разбиты клумбы с цветами. У меня до сих пор сохранилось какое-то родное, приятное чувство при виде боярышника и тополей, покачивающихся от ветра. Казалось, что их кроны касались облаков. Они представлялись мне Гулливерами, поддерживающими небо. Вот такие были детские впечатления.

Я всё время ощущала в себе совершенно особую любовь к поездам. Когда сейчас оказываюсь на железнодорожной станции, то даже ощущаю какой-то особый запах от поездов.

Все это навевает на меня знакомое родное чувство. Порой я представляла, что где-то рядом должен находиться мой дом, наша счастливая семья – отец, мать, сестра.

Около станции было несколько пристанционных домов, в которых жили семьи её работников. Справа станция соединялась с городом рядом больших двухэтажных домов. Сразу же от станции начинался аэродром для небольших самолётов. За ним находился город и завод. Около завода – пруд, который уходил за его окраину.

В детстве отец уделял нам очень много внимания. Мы часто обсуждали, чем заняться на следующий день. Он приучал нас наблюдать за окружающим, в особенности прививал любовь к природе. Порой мы делали даже «открытия», тогда он радовался вместе с нами.

Помню, однажды я решила узнать, сколько дней в году, сделать такое «открытие». Для этого каждый прожитый мною день отмечала палочкой прямо на стене комнаты. (Никто меня не ругал за то, что порчу стены). Таких палочек поставила уже много. Вот за этим занятием и застала меня мама.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Мама, я хочу узнать, сколько дней в году, и каждый день ставлю палочку.

Приходит отец. Сразу же идёт в детскую комнату. Мама уже успела ему рассказать о моём увлечении. Подходит ко мне, хвалит и говорит:

– Ну, дочка, сколько дней ты уже отметила?

Считаем вместе с ним. Было уже девять палочек.

– Молодец, продолжай это дело, – говорит он.

Он очень любил нас – детей, маму. Это была настоящая, счастливая семья. Идём завтракать все вместе. Затем мы с сестрой бежим на небольшой лужок перед станцией, а на насыпи железнодорожных путей собираем землянику. Она здесь на солнышке поспевала раньше обычного.

Было 21 августа 1937 года. Если бы знать заранее, какую суровую судьбу приготовит нам следующий день! А день был ясный, солнечный, небо голубое, на нем виднелись кучевые облака. Собирали ягоды, любовались облаками. Любили смотреть на небо и представлять себе, на какое животное или предмет похоже облако. Вместе обсуждали и приходили к одному мнению.

Вдоволь набегавшись на лугу, насобирав пригоршню ягод, счастливые, мы возвращались домой. Ждали отца к обеду, когда он приходил, показывали ему, сколько мы набрали ягод. Обедали все вместе. На десерт мама готовила нам ягоды с молоком и сахаром. Отец особенно расхваливал это кушанье, а мы с сестрой сидели довольные. У нас с детства воспитывалась потребность – сделать для родителей что-нибудь приятное.

Работал отец много, причем в любое время суток. Нас тоже приучал к труду. Иногда брал меня с собой на проверку железнодорожных путей. Это было интересно. Очень нра-

вилось ходить с отцом «на работу». Когда мы шли с ним по шпалам железнодорожных путей, он рассказывал много интересного о людях, природе, животных.

Однажды идем мы с ним по путям. Он несет с собой тяжелый молот для проверки костылей. Время от времени останавливается и стучит по костылю. Мне эта работа очень нравилась, и я попросила у него молот. Он дал мне его. Положила молот на плечо, как отец, и мы продолжаем путь. Молот для меня был очень тяжел. Вдруг запнулась и упала вместе с ним. Он как-то отскочил от рельсов и разбил мне нос. Отец быстро остановил кровь, но никакой паники при этом не было. Стал успокаивать меня. Поход продолжался. И в будущем он еще не раз брал меня на эту «работу». Быть с ним вместе, что-то делать мне очень нравилось.

Отец был охотником. Правда, ходил на мелкую дичь – зайцы, утки, тетерева, рябчики... Иногда брал нас с сестрой. Конечно, это была не настоящая охота, а просто прогулка в лес. Но все обставлялось так, как будто мы шли на «всамделишную» охоту. При этом отец надевал ружье, брал с собой охотничью собаку.

Когда мы шли по лесной дорожке, он много рассказывал нам о природе, о встречающихся по пути растениях, животных, которые водились в этих местах. Порой мы останавливались, и он обращал наше внимание на то, как красиво вокруг. Приучал любоваться великолепными пейзажами. Бывало, остановит и говорит:

– Ну-ка, дочки, взгляните на эту красоту! Посмотрите, как темные ели выделяются на фоне голубого неба и как хороша эта зеленая полянка!

На полянке росла сочная зеленая трава, было много цветущей земляники. А в лесной чаще как бы прижались к елям березки, осинки. Ели их выживали со света, но они пробивались, тянулись к солнышку. Невдалеке журчал родник прозрачной, чистой воды. Рядом был виден выступающий из земли огромный камень.

Со временем мы с сестрой сами научились замечать красивые «природные картины» (так я люблю их называть). Я до сих пор просто упиваюсь ими! Зачастую просили отца остановиться и понаблюдать эту красоту. Он всегда слушал нас внимательно, хвалил. Похвала отца была очень большой наградой.

С особым приятным чувством вспоминаю красоту соснового бора. Бывало, идем в лес за ягодами. На земле – сплошной ковер из кустиков черники, увешанных красивыми синими с белым налетом, сочными темными ягодами. На этом фоне на высоких стеблях выделяются стройные, цветущие разными оттенками колокольчики. Посмотришь вверх – величественные, прямые светло-коричневые стволы сосен, а где-то там, высоко вверху, – их зеленые кроны. Как часто до сих пор вижу перед собой эти прекрасные уральские пейзажи!

Идем за черникой, отец нас спрашивает:

– Сколько сегодня наберете ягод?

Мы бросаем как можно дальше свои маленькие корзиночки. Если станет на дно, то наберем полные, а если упадет набок, так значит, половину; если же перевернется кверху дном – то будет пустая. При этом всегда устраивалось соревнование – кто больше наберет ягод. Как сейчас понимаю, это были не просто прогулки, но и труд. Как это мне пригодилось в моей суровой дальнейшей жизни!

У отца был знакомый лесник, который жил один в лесном домике, – довольно старый человек. Вокруг его избушки росли дикие сибирские яблони. Было правилом, как только весной яблони зацветут, идти к леснику за букетом этих цветов. Какая это для нас была радость! Мы видели настоящий яблоневого цвет! В наших краях в то время яблонь не знали. Радостные, мы возвращались домой с букетами необыкновенных для нас цветов.

Когда появлялись первые спелые ягоды земляники, отец брал нас с собой собирать ее на железнодорожной насыпи. Там она на солнцепеке созревала раньше, чем в лесу. Он же в это время занимался проверкой железнодорожных путей. Помню, однажды собираю землянику, и буквально из-под ног выползает змея. Она, по-видимому, грелась на солнце и поэтому близко подпустила меня. Я испугалась. Закричала. Отец подбегает ко мне, успокаивает. Змея отползла на некоторое расстояние и остановилась. Смотрим оба на змею. Он объясняет мне, что если змею не трогать

и не злить, то она не нападет. Но надо быть осторожней, внимательно смотреть, чтобы нечаянно не наступить на нее, иначе она может укусить. Вместе с ним уходим с этого опасного места. До сих пор восторгаюсь выдержкой отца. Потом, когда мы шли домой, он нам много рассказывал о змеях, их жизни, поведении, о том, что их укусы могут быть смертельными. Но он старался не вызывать в нас чувства отвращения к животным. Мы не боялись лягушек, жаб, мышей и насекомых. Это сохранилось у меня на всю жизнь.

Папа воспитывал в нас уважение к людям, в особенности к старикам. Сам был в этом примером. Помню, как мы с сестрой «помогали» ему «работать» на станции. Летом были жаркие дни. Когда приходил пассажирский поезд, люди выходили на перрон в поисках воды. Пить было нечего. Правда, в здании вокзала стоял бачок с кипяченой водой. Но хотелось попить холодной чистой воды. Мы с сестрой брали ведро, набирали в него воды из колодца, выходили на перрон и поили пассажиров.

Отец вообще очень внимательно относился к пассажирам. В те годы было много людей, которые никогда не видели поезда. Попадая на железнодорожный вокзал впервые, они терялись. По приходу пассажирского поезда отец всегда находился на перроне, и если заметит такого человека, подойдет к нему, поможет. Мне несколько раз приходилось наблюдать, как он брал под руку старика или старушку и усаживал их в вагон. Вот такие детские воспоминания остались у меня

об отце. Я плохо помню его (мне было 7 лет, но папину доброту, ласкающие руки я чувствую и сейчас). Всегда вспоминаю отца, свое раннее детство (родилась я 5 мая 1930 года на Урале) с очень теплым чувством. В памяти остались некоторые яркие моменты жизни с ним.

Меня рано научили азбуке, мне нравилось из букв складывать слова. Главными учителями для меня были отец, сестра Нина (она была меня на шесть лет старше) и мама. Я учила стихи, слушала сказки и рассказы отца.

Уже в пятилетнем возрасте знала наизусть стихотворение «Доктор Айболит». Для меня оно было слишком большим, и поэтому я учила его по частям. В этом случае отец каждый раз давал мне задание – выучить очередной кусочек стихотворения. При этом никогда не торопил меня. Как только я заучивала отрывок, декламировала его, получала задание учить следующий.

Как я стараюсь выполнить задание отца побыстрее! Он всегда одобрял, подбадривал. В конце концов я выучила все стихотворение. Помню его до сих пор. Все-таки какие стойкие детские воспоминания! Мне читали стихотворения «Дядя Степа», «Мистер Твистер» в детских красочно иллюстрированных книжках. Я запоминала некоторые отрывки из них.

Позднее, когда отца арестовали и мы переехали к бабушке, у меня сохранилось привитое мне отцом желание читать детские книги, хотя в школе в то время я еще не училась.

Детская библиотека в нашем городке находилась в двух кварталах от дома. Бабушка объяснила мне, что я могу в нее записаться. Никто меня за ручку не водил. Пошла сама, и меня записали. Стала самостоятельно ходить в библиотеку.

Приду, попрошу библиотекаря дать мне какую-нибудь книжку. Она давала мне книгу соответственно моему возрасту. Но как мне хотелось быстрее ее посмотреть и прочесть! Не дойдя до дома, сяду где-нибудь на улице и читаю. Пока дойду до дома – уже прочту. Иду обратно в библиотеку, прошу снова. Потом работники библиотеки стали давать мне по две-три книги, чтобы мне на дольше хватало. Любила книги! Никто не заставлял меня читать. Бабушке было не до этого, ведь с нами на тот момент уже не было ни отца, ни матери.

По роду своей деятельности в течение всей жизни приходилось наблюдать, как родители заставляют своих детей читать книги, заниматься музыкой и т. д. В этом случае принуждение часто оборачивается отвращением.

* * *

Наша семья по тем временам была среднего достатка. Железнодорожников часто переводили с одного места работы на другое. Приходилось часто переезжать. Времена были неустойчивые. В семье очень большое внимание уделялось питанию. Родители пережили два голода – в 1921 и в 1933 го-

дах.

Была у нас черно-пестрая корова Жданка. Мы ее очень любили. Прожила она долго. Мама отказывалась расстаться с нею. Мы ее поили, кормили, чистили у нее. В семье была какая-то необыкновенная, особая любовь к этому животному. Она являлась просто членом нашей семьи. Куда бы мы ни переезжали, корова была с нами. Жданка совершала вместе с нами все путешествия. Вещей у нас было очень немного. В те времена для переезда выделялся товарный вагон. Туда погружалась семья, а в углу вагона стояла корова. Брали с собой немного сена. На остановках ходили за водой, поили ее. Зато всегда было свежее молоко. Отца переводили несколько раз на разные станции местной железной дороги. А однажды он был командирован на Юго-Западную железную дорогу.

Кроме охотничьей собаки у нас жила породистая – боксер. Звали его Ярик. Вспоминаю, как добросовестно он нас охранял. Вид у него был довольно устрашающий. Масть коричнево-рыжая, голова большая, морда массивная, на ней были складки, морщины; губы сырые, отвислые, грудь широкая, вокруг глаз темные круги; глаза были необыкновенно выразительные. Ярик днем всегда лежал на крыльце квартиры. Стоило только кому-то чужому подойти близко, он не лаял, а медленно поднимался на передние лапы, пристально смотрел на человека. При виде такой страшной картины сразу же отпадало желание приблизиться к крыльцу. Мы часто

играли с ним. Что только с ним не делали: садились на него верхом, укладывали его спать. Как бы мы с ним ни обращались, он всегда подчинялся; боли старались не причинять. В нас всегда воспитывали любовь к живому. Каждое животное как-то очеловечивалось, но в пределах допустимых границ. До сих пор у меня сохранилась любовь к собакам, этим преданным, умным животным. Даже сейчас, как увижу боксера, сразу навеваается родное приятное чувство. Удивляюсь, как все-таки стойки детские впечатления! Я не помню, чтобы кто-то из нас бил животное. И нас, детей, никогда не били. Не могу вспомнить, чтоб меня хоть раз в жизни наказали физически. За провинность обычно ставили в угол, такое наказание больше применялось к сестре. Зато в памяти остались беседы с отцом о том, как вести себя в семье, за столом, на улице, с людьми, в особенности тогда, когда к нам приходили гости.

Отец немного играл на гитаре и нас учил этому. Мне было шесть лет, а я уже могла играть несколько мелодий. После того как отца арестовали, я не могла больше взять гитару в руки. Даже сейчас, стоит только мне взять ее, как в горле непроизвольно возникает какой-то комок. Не могу! И в то же время с особым чувством и удовольствием слушаю игру на гитаре.

Жизнь на станции была беспокойной. Вокруг всегда было много народа. Железная дорога, где в то время работал отец, носила название – имени Л. М. Кагановича. Мне за-

помнился приезд Лазаря Моисеевича в наш городок. Я, конечно, не знала цели его приезда. Но это было большое событие для города. Все ждали его. Об этом говорили и нам – детям. Мы тоже ждали. Вот приходит поезд. Высокий гость выходит из вагона в белом костюме. Его встречает толпа людей.

Мы с сестрой наблюдали эту картину из окна нашей квартиры. Дальше все направились к зданию вокзала и вышли из него с противоположной стороны. Остановились. Среди встречающих мы видим своего отца. Какая у нас была гордость за него! Впечатление от этой встречи у меня осталось на всю жизнь.

Помню, когда отца арестовали, мама рассказывала нам, что писала много писем в разные инстанции о том, что отца арестовали напрасно, он ни в чем не виноват. Писала и Л. М. Кагановичу. Ответом было молчание.

* * *

Просыпаюсь утром 21 августа 1937 года. В квартире – хаос. Все вещи, книги разбросаны по полу. Мама и бабушка в слезах. Отца нет. Сестренка испуганно смотрит на меня. Мама с плачем говорит:

– Отца арестовали.

Не поняла, что это такое, но почувствовала только одно: с отцом произошло что-то страшное. Позднее мама расска-

зала нам, что ночью к дому подъехала черная машина. Из нее вышли несколько мужчин и направились к нашей квартире. Громко постучали в дверь и шумно вошли, сказав, что будут делать обыск и должны арестовать отца. Среди них был товарищ отца, который нередко бывал с женой у нас в гостях. Он сказал:

– Владимир Адамович, я должен вас арестовать.

Начался обыск. Тщательно обыскивали каждый уголок квартиры. Перерыли постели, шкафы, книги, даже посуду на кухне. Дошла очередь до моей детской кроватки, в которой спокойным сном спала я. Подошли к ней. Хотели поднять меня и что-то искать в кроватке. Но отец и мама попросили:

– Не будите ребенка. Не тревожьте и не пугайте ее. Там ничего нет.

Все-таки у кого-то из них дрогнуло сердце. Трогать меня они не стали.

В это время у нас гостила бабушка (по маме), которая жила в таком же небольшом уральском городке, ближе к Северному Уралу. При обыске она очень испугалась. Бабушка страдала так называемой «медвежьей болезнью». Это значит: как только человек неожиданно испугается, возникает расстройство кишечника. Бабушка просит, чтоб ее отпустили в туалет. Он находился у нас в сенях квартиры. Ее не пускают. Она буквально стала умолять об этом. Разрешили. При этом всю одежду на ней проверили и в сопровождении чело-

века разрешили выйти.

Мама рассказывала, что во время обыска отец был безучастен, какой-то отрешенный от всего происходящего, буквально парализованный. Когда его повели, он попросил разрешения проститься с детьми. Разрешили. Он подошел к нашим кроваткам, поцеловал нас. Потом сказал маме:

– Катюшка, я ни в чем не виноват. Это недоразумение. Разберутся, и я скоро вернусь.

Мама, вся заплаканная, берет меня на руки и подносит к окну. Вижу, что на перроне вокзала стоит пассажирский поезд. Мама ставит меня на подоконник, показывает рукой на один из вагонов поезда и говорит:

– Смотри, вон в том вагоне стоит твой отец.

Он стоял в тамбуре вагона и смотрел на окна квартиры. Я увидела его, закричала, стала вырываться из рук матери:

– Папа, куда ты? Я хочу ехать с тобой!

Он махал нам рукой. Так последний раз я видела своего отца. До сих пор поражаюсь, как в те жестокие времена находились и хорошие люди: отцу разрешили проститься с нами во время ареста, разрешили выйти в тамбур вагона, чтобы он помахал нам рукой.

Когда сейчас читаю о жизни людей в тот период, то считаю таких людей буквально совершившими подвиг. Ведь за эти действия они могли сами поплатиться.

Во время ареста отца маме предъявили документ, который содержал категорическое требование – освободить квартиру в двадцать четыре часа. Всей семьей начали собираться и укладывать вещи. Помогали и мы с сестрой. За несколько часов продали нашу любимицу – корову Жданку. До сих пор у меня звучит в ушах плач, с которым мы ее провожали, когда новый хозяин на веревке повёл ее со двора. Исчез и Ярик. Не знаю, куда его дели.

Собрав нехитрое свое имущество, мы в тот же день к вечеру освободили квартиру и поездом поехали к бабушке. Как нам повезло, что она была у нас, а то мы бы просто были выброшены на улицу.

* * *

Приехали в городок, где жила бабушка. Назывался он как-то несколько странно – Новая Ляля, по имени реки, протекающей там. Располагался недалеко от Северного Урала. Мне запомнилась такая картина: на повозке наши погруженные вещи. Меня посадили сверху на них, возница идет рядом, позади мама, бабушка и сестра. Вот такая процессия движется по главной улице, называемой Почтовой. Знакомые люди останавливались и спрашивали:

– Что случилось?

Ответом было:

– Отца арестовали.

Никто тогда этому не удивлялся. Всюду были повальные аресты. После каждой ночи люди теряли своих родных, знакомых. Началась для меня другая, полная лишений, жизнь.

Маленький уютный бабушкин домик располагался на окраине города. В нем были две небольшие комнатки, прихожая и кухня вместе. Во дворе сарай, где хранились поленицы дров, а за сараем – большой огород. Бабушка жила одна. Она была довольно волевым и суровым человеком, в отличие от мамы, характер у которой был мягкий, добрый. Бабушка коренной уральский житель, с присущими этим людям чертами характера.

Так и начали мы новую жизнь. Сестра продолжала учиться в школе, ей в это время было двенадцать лет, а я помогала по дому. Бабушка занималась кухней, приготовлением еды, которая уже в то время была довольно скромной. На мне лежали обязанности: уборка квартиры, мытье пола и другие домашние работы. В обязанности Нины входила уборка двора, а это значит, летом его следовало подметать, а зимой – разгребать снег. Изредка отпускали на один-два часа поиграть с детьми на улицу, но это еще надо было заслужить.

Какой-то особый отпечаток на меня наложила потеря отца. Дома часто разговаривали о нем. Мое детское воображение представляло, как он мучился в тюрьме. Глаза мои стали не по-детски грустными. Стала меньше, чем раньше, веселиться, смеяться, когда играла с детьми. Игры стали други-

ми, более спокойными. Глаза мои так и сохранили отпечаток грусти с тех пор и на всю жизнь. Часто, уже будучи взрослой, иду спокойно по улице, вроде бы ни о чем грустном не думаю, а встречающие знакомые спрашивают:

– Что же ты такая грустная?

Такой вопрос мне довольно часто задают и сейчас.

С тех пор как мы приехали к бабушке, мама как-то исчезла из моих воспоминаний. Она с раннего утра и до позднего вечера была на работе. Нашим воспитанием в основном стала заниматься бабушка.

Отец сидел в тюрьме города Нижний Тагил. Мама часто ездила туда с передачами. Много хлопотала о нем, писала всюду письма, но все было напрасно. Дома передачи отцу собирали все вместе. Мама не жалела денег на покупку продуктов для него. Экономили на своем питании.

У нее была подруга юности, которая была замужем за юристом (должности его не помню). Жили они довольно прилично, зажиточно. Большой, светлый, красивый дом. Мама часто обращалась к юристу, чтобы он помог ей написать прошение об отце. Он выполнял ее просьбы. Но за это требовалась плата. Денег у нас не было. При отце у нас были какие-то небольшие деньги на сберкнижке, но ее у нас забрали при аресте отца. Так что мы остались без копейки. Существовали только на те деньги, которые имели от продажи вещей.

Мама и бабушка были большие рукодельницы. Они вяза-

ли очень красивые вещи. Мама выполняла филейно-гипюрную вышивку. У нас было много таких изделий. Вот мама и расплачивалась с юристом этими вещами. Когда я стала взрослой, как-то зашла к ним в дом и увидела везде в комнатах наши кружевные изделия. Это были покрывала на кроватях, скатерти, шторы на окнах, различные салфетки. Юрист к тому времени был еще жив, но уже стар. Какое отвратительное чувство возникло у меня при виде наших вещей! Живут же на свете такие крохоборы! Как же он мог брать у нас то последнее, что мы имели? Какая бесчеловечная душевная черствость! Бог им судья!

Однажды мама взяла меня с собой, когда поехала в очередной раз с передачей в тюрьму. Как сейчас вижу такую картину: окраина города (это место называется Красный Камень), заканчивается улица жилых домов, а дальше на пустыре – ряд бараков. Окна в них не застеклены, а забиты досками, между которыми оставлены щели для того, чтобы внутрь проникал свет. В таких бараках сидели заключенные. Вокруг них на каком-то расстоянии – оцепление из охранников. За ними – огромная толпа людей, в основном женщины. В этой толпе стояли в очереди и мы с мамой. Вдруг мама показывает мне рукой на один из бараков и говорит:

– Там твой папа.

Не знаю, откуда она это взяла? Может, это было и не так? Ни слова не говоря, вырываюсь из толпы и бегом, мимо охранников, к этому барaku. Один из них закричал и –

за мной. Это был человек среднего возраста, коренастый, полноватый. Видимо, я так быстро бежала, что он меня не смог догнать. Прильнула к забитому досками окну, начала неистово стучать по нему, крича и плача:

– Папа, папа, это я!

Тут подбежал ко мне охранник. Схватил меня под мышки и потащил к толпе. Мама рвалась ко мне, но ее удерживали. Я вырывалась, била охранника ногами, старалась укусьить. Всю эту картину наблюдали люди, стоявшие в очереди. Затем он бросил меня в толпу со словами:

– Не распускайте своих щенков!

Мама была буквально обезумевшая. Рыдая, схватила меня и стала осматривать. Никаких повреждений не было. Так ярко в памяти моей все это сохранилось до сих пор, что даже сейчас не могу писать эти строки без слез. Самое страшное было то, что эти люди были не чужеземцы, не враги, а свои!

Тяжкие испытания начались в моей жизни. Наступил праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Это была ее двадцатая годовщина. Мама снова поехала в тюрьму с передачей для отца. В этом городе жила семья друга отца, тоже железнодорожника. Наши семьи дружили, мы часто бывали у них в гостях, они приезжали к нам. Жили они в небольшом двухэтажном доме поблизости от вокзала. В семье трое детей, сын и две дочери. Младшая, Вера, была со мной одного возраста, мы с ней были подруги. Когда мама ездила с передачами отцу в тюрьму, то останавливалась

на квартире у этой семьи.

Очередной приезд мамы. Она сразу с вокзала поехала в тюрьму. Но почему-то передачу отдать не смогла. Ей там кто-то сказал, что ее должны арестовать. Надо было представить ее состояние! Она пришла на квартиру и рассказала об этом супругам. Те встали и ушли в другую комнату, прихлопнув за собой дверь. Мама осталась одна и все поняла. Повернувшись, вышла из дома и побрела к тюрьме. Как позднее рассказывала, она не поехала домой, так как не смогла бы вынести, если б ее арестовали дома, отрывая от нас – детей. Приняв такое страшное решение, она побрела к тюрьме, где ее и арестовали. Надо было представить, какое мужество было у этой женщины! Итак, мы лишились и матери.

Когда я подросла, и мама рассказала мне об этих друзьях, я очень сурово осуждала их. Она же меня останавливала и разъясняла, что нельзя быть такой жестокой. Они не виноваты. Время было такое – с трудом соглашалась с ней. Я конечно понимала, если бы она не ушла, ее арестовали бы в их квартире. Еще неизвестно, чем все это закончилось. У них ведь трое детей. Сам арест был бы для детских душ страшной травмой, не говоря уже о последствиях.

Теперь мне все понятно, осознаю и не обвиняю их, но как-то произвольно дает о себе знать боль от той малой царапинки на душе, которая, по-видимому, никогда не исчезнет в моей жизни.

Позднее, когда мы уже жили в Нижнем Тагиле, после реабилитации, то общались с этой семьей. Мне приятно было наблюдать, как они, собравшись вместе с мамой, вспоминали прежнее время, когда с ними был еще и отец. Чем-то родным, добрым веяло от этих разговоров. Я не подавала вида, но на душе у меня все-таки скребли кошки.

Наблюдала, что при встрече со мной эти люди чувствовали себя виноватыми, старались сделать мне что-то приятное. Видя все это, анализируя события тех лет, и по просьбе мамы – прощаю их.

Итак, мы, две сироты, остались у бабушки совершенно без средств к существованию. Нам ничего не платили. До сих пор вспоминаю, как экономно мы питались. В основном это был картофель со своего огорода. Например, на завтрак нам давалось две столовые ложки поджаренного картофеля и стакан чая с кусочком хлеба и маленьким кусочком сахара. Есть много считалось неприличным. Милая бабушка! Как же она ухитрялась содержать нас! Все это было возможно благодаря ее прекрасным кулинарным способностям. Как и мама, бабушка хлопотала об отце, а теперь уже стала хлопотать и о маме. За все прошения приходилось платить. Как же она ухитрялась делать все это?

Были в нашем городке люди, жившие прилично. Имею в виду заведующего аптекой. Вот там бабушка временами и прислуживала. За это ей давали немного денег и продуктов. Все это, конечно, было мизером в сравнении с те-

ми расходами, которые ей приходилось иметь, чтобы содержать нас.

Много сил уходило у нас с сестренкой на заготовку дров. Денег, чтобы купить их, не было, поэтому летом мы с ней таскали дрова из леса на себе, а зимой возили на санках. Бабушка тоже иногда ходила с нами в лес, тогда мы привозили много дров, которых хватало на более длительное время. Это были в основном сучья и пеньки, которые выкорчевывали. Напилить нормальных чурок нам не хватало сил. Мне ведь в это время было семь-восемь лет!

Бабушка была очень аккуратным человеком. Этого требовала и от нас. После того как обычно вымою полы, она шла проверять мою работу. Если в углах или щелях между половицами оставалась грязь, то она ее выскабливала ножом и заставляла переделать. Мытье полов – это не значит вымыть только в квартире, а это и мытье сеней, подмостков, вплоть до калитки. Полы были белые, некрашенные, их следовало вначале проскоблить щеткой, а потом уже мыть. Но если вымывала пол качественно, то мне за это полагалась награда – несколько копеек на мороженое.

Белье мы с сестрой не стирали. Этим занималась бабушка. Но ее постоянным требованием было – прополоскать его, независимо от времени года, и обязательно в реке. (Чтоб белье пахло рекой). Зимой мы с сестрой ставили корзины с бельем на санки и везли их к проруби. Своими детскими ручонками полоскали белье в ледяной воде. Температура воз-

духа в этом случае могла быть 20—30 градусов мороза. Бывало, руки покраснеют, уже не можешь выжимать белье, тогда бросали его неотжатым в корзины, везли домой и там его отжимали в помещении. Такая работа была в порядке вещей.

Много трудились и в огороде. Прополка, окучивание, полив овощей, уборка овощей и картофеля – все это мы выполняли в основном с сестрой. Бабушка была старенькая и помогать нам в полную силу не могла.

Летом мне давалось задание – наносить сорокаведерную бочку воды для полива огорода, из колодца через дом от соседей. Я не могла носить полные ведра, наливала их по половине и на коромысле несла домой. Конечно, наносить ее полную я не могла, но старалась принести как можно больше. Такой работой занималась два раза в неделю. Короче говоря, все мое раннее детство проходило в тяжелом труде.

Перед нашим домом была большая поляна, на которой собирались дети с нашего околотка и играли. Хотелось и мне попеть с ними, поплясать. Но бабушка обычно внушала:

– Что ты распелась, расплясалась? Родители твои сидят в тюрьме, а тебе весело!

Естественно, в следующий раз старалась этого не делать. Стояла в стороне от детей, с грустными глазами. Значит, я не такая, как все, и мне не все можно делать, как другим детям. Иногда наворачивались слезы. Уж очень горько было! На бабушку не обижаюсь. Ей, конечно, очень тяжело было видеть, как мы веселились. Это надо понять.

Интересный психологический момент: когда стала взрослой – и до сих пор, стоит мне только начать петь любую песню, как на глаза совершенно произвольно наворачиваются слезы. Проходит короткое время, и все снова становится на свои места. По-видимому, такой рефлекс стал у меня безусловным с моего детства.

Уже у взрослой это происходило у меня в торжественных случаях. Раньше часто на торжественных заседаниях исполнялся Гимн Советского Союза или Интернационал. При этом обычно в зале все вставали. До сих пор не могу выносить этой музыки! Встаю вместе со всеми, а по щекам совершенно произвольно текут слезы. Даже стыдно перед окружающими. Но ничего с собой поделаться не могу. Что это такое?

* * *

Мама происходила из семьи коренных уральских заводских местных жителей. Родилась она на заводе Сысерть, недалеко от Екатеринбурга. Бабушка была очень красива, вышла замуж в шестнадцать лет, ее мужу было двадцать восемь. Они имели небольшой двухэтажный деревянный дом. Внизу этого дома была небольшая мастерская, как она говорила, по металлу. В этой мастерской делали различные изделия из железа. Вот на эти доходы и жила семья. Наемных работников не было.

Умер дед очень рано. Бабушка осталась одна с двумя детьми. Маме было два года, другой дочери, Лизе, – пять лет. Прожив немного без мужа, бабушка уезжает жить, как тогда говорили, «в люди», – в Екатеринбург, забрав с собой младшую дочь, а старшую оставив своей матери.

Устроилась работать к миллионеру, заводчику, англичанину Ятесу. Сначала она работала горничной, затем экономкой и кухаркой. Так и жила у них, воспитывала дочь. Мне интересно было слушать бабушкины рассказы об этой жизни. Детей у хозяев не было, поэтому они очень любили девочку. Прислуга должна была поддерживать устои семьи барина. Естественно, что ей прививались определенные манеры поведения. Вообще, у бабушки остались очень хорошие воспоминания об этих хозяевах. К каждому празднику дарили подарки, чаще всего одежду и обувь. Практически они полностью обеспечивали горничных. Поэтому прислуга была одета прилично.

Мама рассказывала, что когда бабушка ехала в гости к своей матери, где воспитывалась ее старшая дочь, то обычно на последние заработанные ею деньги нанимала кучера и ехала. Создавалось впечатление, что едет барыня. Так ее и звали на заводе Сысерть. На самом деле это была обыкновенная прислуга. Если сейчас смотрю на старые фотографии тех лет, то вижу свою бабушку высокой, стройной, симпатичной, с красивой прической.

Бабушка любила одеваться, и это осталась у нее на всю

жизнь. Одежды у нас в семье всегда было мало, но сшита она была с большим вкусом, что создавало хорошее впечатление. Как сейчас помню, у нее было одно платье в клеточку и белая кофточка с юбкой. Иметь много одежды в семье считалось неприличным. Я была воспитана в таком же духе. Как раздражает сейчас меня сытое мещанство совершенно бескультурных людей! Они считают, что обилие, яркость одежды, богатство – главная цель жизни.

...Барин очень любил девочку. Ездил он обычно на серых лошадях в яблоках. В ее обязанности входило встречать хозяина, когда он возвращался с работы домой. Лошадям при этом она всегда давала специально приготовленные кусочки сахара. Сходя с повозки, хозяин благодарил ребенка. Иногда угощал ее конфетой, пряником или давал монетку. Вот в таких условиях проходило раннее детство моей матери.

Бабушка была очень хорошим кулинаром. Как это нам пригодилось в дальнейшей жизни! Во время войны, голода мы бы не выжили, если б не умелые руки нашей бабушки. Только благодаря ей мы остались живы. Она всегда могла что-то приготовить буквально из крох продуктов.

Когда маме исполнилось девять лет, ее отдали в приют, который находился при монастыре. Там она и училась в монастырской школе. Воспитывалась в приюте пять лет. Жизнь воспитанниц с утра до вечера была заполнена трудом. Кроме учебы их заставляли много работать. Занимались вышивкой. Выполняли филейно-гипюрную работу. Нужно было снача-

ла связать филей, а затем расшивать его на пялах. Целыми днями воспитанницы сидели за пялами. Вот уж действительно труд являлся основным средством воспитания. Это был не физический труд, а такой, который развивал эстетический вкус ребенка. Эстетика делает человека гуманным. На мой взгляд, ребенок должен не просто трудиться, а делать это с желанием. Во всяком труде надо видеть его красоту.

До конца своей жизни моя мать занималась этой работой. Вначале я не понимала, что эти ее изделия являются предметами искусства. Однажды к нам в квартиру зашла женщина – страховой агент. Увидев, что у нас много таких изделий, спросила:

– Откуда у вас эта монастырская работа?

Очень жаль, что в какой-то период нашей жизни считалось «мещанством» оформление квартиры вязаными и вышитыми изделиями.

Образование маме удалось получить в объеме шести классов. По тем временам она считалась довольно грамотным человеком. Воспитание получила хорошее. Жизнь у богатых людей, приютское воспитание сформировали личность моей матери как культурной женщины. Общаясь с хозяевами, она впитывала в себя правильные манеры поведения. Умела всегда просто, скромно и красиво, со вкусом одеваться. В каких бы условиях мы ни жили – всегда отличалась интеллигентностью. Она умела общаться с любым человеком. Всегда оставляла о себе хорошее впечатление. И нам, детям, стара-

лась все это привить. Но увы! Мы попали в другую эпоху, в другие условия жизни...

Я до сих пор в душе часто обращаюсь к «маминому совету». В каких-то особых трудных ситуациях спрашиваю себя: «А как бы в этом случае поступила мама?» Представляю себе ее ответ, так и поступаю. Она была для нас самым авторитетным человеком, воспитывала нас умело. Никогда не кричала, о побоях и речи быть не могло. Самым большим наказанием для нас были ее слезы. Жизненные ситуации, в которых мы оказались, были ужасные, а порой просто страшные.

...Бабушка вышла замуж второй раз, когда маме исполнилось четырнадцать лет. А наш дед Константин женился в первый раз. Перед самым началом революции они переехали из Екатеринбурга в маленький городок Новая Ляля.

В то время там уже был построен крупный целлюлозно-бумажный комбинат. Пуск его происходил в 1914 году. Комбинат включал в себя целлюлозный завод, несколько фабрик: бумажную, картонную, пакетную – и два крупных лесозавода. Городок выглядел довольно приятно. На большом массиве, островком среди дремучего леса, вдоль реки раскинулись корпуса комбината.

Сюда стали съезжаться специалисты. Местных жителей почти не было, большинство людей были приезжими. Постепенно стали приезжать крестьяне из окрестных деревень, но таких было немного. Вдоль двух улиц – Главной и Почтовой – для специалистов были построены бревенчатые двух-

и четырехквартирные дома. В центре на небольшой площади стояла деревянная церковь. Позднее эти улицы обросли частными домами. Вся жизнь людей городка была связана с комбинатом, заготовкой леса для него. Лес сплавляли по реке врассыпную (молевый сплав). На реке в летнее время работало очень много сплавщиков.

Мы часто играли на реке. Леса сплавлялось очень много. Он шел по реке сплошным потоком. Бревна плыли очень плотно друг к другу. Мы – дети – устраивали соревнования: кто быстрее перебежит по плывущим бревнам на противоположный берег реки. При этом необходимо было рассчитать свои действия, ловкость должна была быть большая. Иногда запрыгнешь на бревно, а оно начинает крутиться. Тут уж держись! Что-то не считаешь – и окажешься в воде. Следовало быстро прыгать с бревна на бревно, не останавливаясь, балансируя, приближаться к берегу. Я очень любила эту игру. Довольно часто была победителем в таких соревнованиях. Может быть, потому, что была очень худенькая, легкая, и бревна подо мной мало крутились.

Несмотря на то что городок был небольшой, образ жизни людей в нем был довольно типичен для промышленных заводских условий Урала. Вспоминаю, как в детстве гудел заводской гудок, оповещающий о том, что следовало просыпаться и собираться на работу, потом второй гудок – выходить из дома, и третий гудок – приступать к работе. Вот такие были часы! В памяти сохранилась картина, как сплош-

ные потоки людей шли со всего городка к проходной комбината.

Мой дед стал работать начальником почты. В городке была небольшая гостиница, где работала бабушка. Маме, как она говорила, «прикупили» года (добавили), и она стала работать в конторе комбината, как тогда называли – конторщицей. Затем окончила курсы телеграфистов и стала работать на телеграфе. Вот такой семьей среднего сословия и достатка и были мои родные.

Городок был небольшой, многие знали друг друга. В нем была какая-то необыкновенная дружеская обстановка. У бабушки и дедушки были друзья – довольно приятные люди. Среди них было несколько специалистов, которые работали на комбинате, это были действительно русские интеллигенты. Кое-кого из них я еще помню. Они приходили к нам. О многих имею представление по разговорам в семье и фотографиям. Даже по внешнему виду можно было судить об их манерах, одежде, умении достойно держаться. Часто слышала их разговоры, не помню, чтобы они говорили о деньгах, о богатстве, наживе, хотя все вели довольно скромный образ жизни. И нам, детям, прививалась привычка – в компании людей неприлично говорить о деньгах и болезнях.

* * *

По семейным рассказам представляю себе нашего деда –

Константина. Он был родом из Вятки. Высокий, статный, с большой бородой. Бабушка до конца своих дней очень тепло вспоминала о нем. Нам, детям, тоже прививалась любовь к деду, хотя он был нам не родным. Он тоже очень любил бабушку, ее детей, а позднее и нас, внуков. До сих пор думаю о нем, как об очень хорошем человеке. Бабушка рассказывала: получит получку, проиграет почти все деньги в карты, но обязательно оставит немного себе. Идет домой – купит конфет, сладостей. Выложит все это на стол и виновато говорит:

– Прости, Еля, я немного проигрался.

Проигравшись, становится особенно нежным, ласковым, старается всеми способами загладить свою вину. Никаких скандалов при этом не было. Бабушка в ответ только плакала и просила его не делать больше этого. Но все было бесполезно. Что бы бабушка ни предпринимала, отучить его от игры в карты не могла. Несмотря на это, жили они очень дружно. Других вредных привычек за дедом не наблюдалось.

У деда был круг своих постоянных друзей. И трудности, и радости они искренне переживали вместе. Тут уж не было ни хитрости, ни обмана, ни недомолвок. Все отношения были искренни и доброжелательны. Это была не кратковременная дружба, а дружба на всю жизнь.

В связи с этим вспоминаю своих друзей. У меня в жизни было две подруги, с которыми я дружила несколько десятков лет, где бы мы ни находились. Это была дружба крепкая,

искренняя. А сколько «друзей-предателей» мне пришлось встретить в жизни! Как будто бы научилась отличать черное от белого, но чувство порядочности, жалости к людям мешало мне отвечать грубостью.

После почты дед перешел работать кассиром на комбинат. Тут кто-то решил, что у деда есть золото. В 1933 году за это его арестовали. Требовали отдать золото. Продержали некоторое время в тюрьме. Часто допрашивали, по-видимому, били, и он серьезно заболел. (Ему в то время было 54 года). Когда дед стал совершенно безнадежен, его выпустили из тюрьмы. На носилках перенесли в больницу. Через несколько дней он умер. Вот так погиб мой дед...

Наша семья в это время жила в другом городе на Урале, в Верхней Салде. Мне было три года. Конечно, я ничего не помню, но по рассказам мамы знаю: как только мы узнали, что дед болен, мама взяла меня и мы поехали к нему. Был голод. Мы привезли с собой топленого молока. Пришли к деду в больницу. Он уже умирал, есть ничего не мог, все внутри организма было отбито, но шутил и просил маму, чтобы я – ребенок – его покормила. Он очень любил меня. Взяла ложку, наполненную молоком, и поднесла к его губам. Он проглотил. Так я скормила ему немного молока. Это была последняя его еда. Через день он умер.

Чувство любви и уважения к старшим нам прививалось с детства. По религиозным дням памяти умерших мы обязательно ходили к деду на могилку. Приносили венки, цветы.

Если же ходили в лес за ягодами за кладбище, то обязательно собирали букетик из ягод земляники, черники и других ягод. Заходили на могилку к деду и «угощали» его. А если была возможность набрать букет луговых цветов, то также не забывали принести их ему на могилку. Для нас кладбище было святым местом.

В дальнейшем, когда я там уже не жила, а приезжала в гости, то обычаем семьи было на второй день обязательно идти на кладбище, проведать могилки своих родственников. На могилку обязательно сыпали какую-нибудь крупу для птичек. Такой русский обычай всегда выполнялся. Нам всю жизнь не разрешалось ходить на кладбище в так называемые родительские дни. Какой абсурд!

В связи с этим вспоминаю несколько неприятных историй. До чего же мы были не свободны! В один из родительских дней пришла на кладбище семья моей учительницы. К ним в гости приехала дочка с мужем. Муж был капитаном корабля, пришел в форме. Видели бы вы, как его впоследствии за это осуждали! Почему же он пришел навестить родные могилы именно в этот день?

Довольно неприятный случай в этом отношении был и со мной. Мне чуть не стоило это увольнения с работы. Я работала в то время в райисполкоме в отделе сельского хозяйства. Нина, сестра, в это время жила на Украине. Она приехала домой в гости. Была родительская суббота. Наши родственники взяли венки, цветы и пошли на кладбище. Ид-

ти надо было через весь городок. Автобусов тогда не было. На второй день вызывает меня к себе в кабинет председатель райисполкома. (А в те времена суббота была рабочим днем). Он спрашивает:

– Почему в этот день ты ходила на кладбище?

– Я была на работе.

Он мне не верит и говорит:

– Тебя видели, ты шла туда с венками и цветами.

Мне не верили. Встал вопрос: могу ли я работать в райисполкоме?

Вдруг меня осенила мысль, и я спросила:

– Какие волосы, короткие или длинные, были у этой девушки?

Выяснили, что у этой девушки были косы. Это меня и спасло. Это была Нина, моя сестра, которая приехала в гости. Мы с ней были очень похожи, но у нее были косы, а у меня – короткая стрижка. Вот до такого абсурда доходили требования «нового образа жизни».

В дальнейшем по роду своей работы занималась воспитанием детей и молодежи. Сколько грубости, жестокости к детям мне приходилось видеть! Отсюда и результат. Совершенно уверена, что плохие качества детей являются плодом воспитания родителей. Часто встречаешь, что дети совершенно не уважают родителей. Они не знают своей родословной. У них не воспитано чувство уважения к старшим, памяти к умершим. В этом случае так и хочется спросить:

– А как вы сами относитесь или относились к родителям?

Никак. Порой о них совершенно забыли. По несколько лет, а то и совсем не ходят на могилки родных, не вспоминают родителей в дни смерти и памяти. А их дети – тем более. Чего можно ждать от такого поколения? Вот и возникло поколение, не интересующееся своим происхождением, родством. Отсюда жестокость и мещанство молодых людей.

* * *

О 1917 годе и Октябрьской революции в семье как-то разговоров особых не было. Это эпохальное событие в нашем городке прошло довольно спокойно. А вот период интервенции был очень памятен. Наша местность несколько раз переходила из рук в руки, то к белым, то к красным. Каждый раз это сопровождалось большими неприятностями. Мама в это время была уже взрослой девушкой, ей было очень трудно. Бабушка ее часто прятала, на улицу она выходила редко. Были такие случаи: пришли красные, заходят в дома и требуют, чтобы женщины, в особенности молодые, надевали красные косынки, брали с собой лопаты и выходили на земляные работы. Если замечали, что кто-то из них не умеет обращаться с лопатой, то следовал окрик:

– Что, интеллигенция, работать не умеете?!

Быть в то время молодой девушкой было просто опасно.

В лесах Западной Белоруссии находилась маленькая деревушка Огородище. Она относилась к Гродненской области. Вокруг нее – сплошные леса, среди которых встречались небольшие поляны, участки болот. Как гласит предание, в далекие времена царь дал надел земли двум братьям, от которых и произошла эта деревушка.

Природа – сказочно красива! Близ деревни протекала небольшая речка. Но местами она была довольно глубокая. Кое-где ее берега густо поросли камышом. В реке водилось много рыбы. Леса в основном были сосновые. В них росли грибы, ягоды, в особенности черника. Много было разного зверья.

Жители деревни жили в основном за счет леса: охотились, собирали грибы, ягоды. Кое-где корчевали лес под пашню. Каждая семья имела небольшие наделы земли. Земля в этих краях была малопродуктивная. Чтобы получить урожай, необходимо было ее очень хорошо удобрить. Сеяли рожь, ячмень, сажали картофель, который в этих краях давал очень хороший урожай. Жители держали скот: лошадей, коров, свиней – и разную птицу. Это были очень трудолюбивые люди. Целыми днями они трудились также в лесу: заготавливали бревна для постройки домов, дрова для отопления. Семья отца имела дом, лошадь, двух коров, две с половиной десятины земли. Вот в такой семье и родился мой

отец.

Мой дед был высокий, крепкого сложения мужчина. Работал лесником. Прадед был тоже лесник. Как сейчас мне стало известно, четыре поколения этой семьи были лесниками. Все мужчины семьи занимались охотой. Это передавалось из поколения в поколение.

Исторически местечко, где располагалась деревня, находилось то в Польше, то передавалось Белоруссии. По национальности семья отца была белорусской. Но в тех краях жило много поляков. Когда деревня была под Польшей, то дети ходили в школу и учились на польском языке. Поэтому в семье знали польский и белорусский языки. Семья была простая, но какая-то внутренняя врожденная культура чувствовалась во всем. Где-то, видимо, были довольно крепкие корни. Мой дед сам хорошо знал русский язык, учил ему детей. Учил не только разговорному языку, но и правилам грамматики. Таким образом, дети знали три языка – польский, русский, белорусский. Дед всегда стремился дать детям образование.

Вот так, на природе, в труде, прошло детство моего отца. А как он любил лес! Лес – это был его дом, который успокоит, напоит, накормит. Как он любил наблюдать лес! Как он его понимал! Как он бережно относился к лесу! Такую же любовь прививал и нам. И все это пригодилось в дальнейшем.

Отец очень дружил со своим старшим братом – Сильвестром. Это были не только братья, но и большие друзья. Они

вместе ходили в школу, затем продолжали образование в соседнем селе. Домой приезжали по воскресеньям.

Дед мой умер рано. Ему было всего сорок лет. Бабушка осталась одна с пятью детьми: старшему, Сильвестру, было тринадцать лет, моему отцу, Володе, – одиннадцать, Степану – девять, сестре Жене – четыре года, и Александру еще не было и двух лет. Она продолжала учить детей дальше, хотя ей было очень трудно.

Дети платили ей за все большой благодарностью. Приезжая на воскресенье домой, они работали, как и их отец. В семье это были старшие мужчины.

Окончив школу, отец с братом вернулись домой. Какое-то время работали в лесу. Заготавливали лес для строительства нового дома. Начали его строить и помогали бабушке вести хозяйство. Но тяга к образованию всегда была на первом месте в этой семье.

В 1912 году отец окончил курсы телеграфистов в Вильно и стал работать в Гродно телеграфистом. Некоторое время работал по этой специальности на станции Ораны Северо-Западной железной дороги.

Наступил 1914 год. Обоих братьев забрали на войну. Больше они не виделись и ничего не знали друг о друге.

Только в настоящее время я узнала, что Сильвестр был два раза ранен. Поправился, вернулся домой и стал работать лесником. Это был очень умный и беспрельдно трудолюбивый человек.

Мой отец с 1914 года служил в старой армии, в железнодорожном батальоне, работал телеграфистом. Он всегда имел много друзей. Это был очень коммуникабельный человек. И вот шестеро друзей, демобилизовавшись из армии, явились в управление Северо-Западной железной дороги в городе Петрограде, чтобы найти себе работу. Это была крепкая дружба молодых людей, несмотря на различные национальности: Иванов Федор – белорус, Котещенко Павел – украинец, Симонович Вячеслав – поляк, Ходорович Михаил – русский, Терентьев Иван – русский. Другьям было предложено поехать на железные дороги Урала и Сибири.

Получилось так, что Иванов Федор и Симонович Вячеслав остались работать в Петрограде, а мой отец и остальные трое друзей поехали работать на Урал, на Пермскую железную дорогу. Там отца назначили на станцию Тавда, Терентьева Ивана на станцию Надеждинск, Котещенко Павла – на станцию Туринск. Другья долго поддерживали связь между собой. В дальнейшем дружили семьями. Ездили друг к другу в гости. Мама рассказывала, что в 1926 году наша семья ездила в гости в Ленинград. В 1928 году Иванов Федор с женой приезжали к нам. Жена Федора была больна туберкулезом (по тем временам это была довольно распространенная болезнь). С какой любовью отец и мама делали все, чтобы она хоть немного поправилась. Соблюдался режим питания, с нею часто гуляли по сосновому лесу, слушали шум сосен, вдыхали запахи смолы и земли. Мама рассказывала, что

она посвежела. Поездка к нам принесла ей большую пользу.

* * *

Отец и мама познакомились, работая на телеграфе. Он приехал в наш городок, прожил в нем всего несколько дней, и они решили пожениться. Венчались в церкви. Мне, уже взрослой, местные старожилы рассказывали о том, что это венчание было необыкновенно чудесным. Это была очень красивая пара. Отец – статный, высокий молодой человек. Под стать ему и мама – высокая, стройная, с красивой фигурой девушка.

После свадьбы отец перевелся помощником начальника станции к нам в городок. Они получили небольшую квартиру около железнодорожного вокзала. Это был 1921 год. В стране разруха, голод. Жизнь они начинают в страшной бедности. Отец во все времена года ходил в своей неизменной шинели. Он склотил из досок топчан, который заменял им кровать.

Чтобы питаться и не умереть с голода, решили приобрести корову. Для покупки коровы все, что имело какую-то ценность, продали. Наскресли денег, сколько было у себя и у бабушки, наполовину в долг купили нашу любимицу Жданку. Она кормила нас и бабушкину семью. Сколько раз благодаря ей мы спасались от голода! Вскоре родилась моя сестренка Нина, позднее родилась и я. Родители очень хотели, чтобы

вместо меня родился мальчик, но на свет появилась девочка. Волосы у меня были черные, поэтому и дали имя – Галка. В семье я была любимицей отца, очень ласковая, в отличие от Нины, которая была капризная, настойчивая, требовательная.

Отец очень любил нас. Большинство капризов Нины всегда выполнялось. Я же вечно что-нибудь придумывала. Мне всегда хотелось что-то «исследовать». Могла лечь на землю и рассматривать камушки на ней, наблюдать за движением какого-нибудь насекомого. Около муравейников могла сидеть часами и наблюдать за их жизнью. Иногда залезала в неглубокий водоем и рассматривала насекомых, которые там живут, ловила пиявок, наблюдала за жуками-плавунцами, лягушками, головастиками. И вот удивительно – никогда у меня не было чувства брезгливости к любому насекомому или животному.

* * *

Наша бабушка жила на окраине городка в собственном доме. Построил его наш дед. Домик был небольшой, но теплый и уютный. Из его окон открывался чудесный вид на расположенный поблизости лес. Во все времена года мы любовались им, выделяя «природные картины». Это приносило нам – детям – огромное удовольствие.

Мы очень скуцали по отцу и матери, но, что интересно,

как только заходили в лес, с меня сходила скованность, которая всегда как будто сидела во мне, исчезали горестные чувства, не покидавшие меня больше нигде. Передо мной открывался чудесный мир природы. Лес, кустарники и травы как будто успокаивали, ласкали. Это был совершенно другой мир. Я любила слушать песни леса, разговор трав с ветром. А если подует ветерок, выглянет солнышко, зашелестят листья на осинах и березах, то кажется, что они как будто говорят: «Не горюй, мы с тобой!» Лес просто утешал, заменял мне отца и мать; когда свежий ветерок проходил по моему лицу, то создавалось ощущение материнской руки. Легче, радостнее становилось на душе. Милый, родной мой друг, лес! Как я всегда любила тебя! Если захожу в лес, то словно попадаю в другой мир, мир моих друзей. Мною овладевает такое чувство, что встречаюсь с чем-то родным. Лес – это моя стихия, мой дом.

Местность в наших краях холмисто-увалистая. Представляет собой как бы застывшие волны разбушевавшегося моря, которые покрыты лесами.

В наших краях много верховых сфагновых и переходных торфяных болот. Болота располагаются открытыми участками или со сфагновыми сосняками. Они занимают довольно большие площади. Порой кажется, что тянутся бесконечно. Чем-то неприветливым веет от их безмолвия. Но все же есть что-то таинственное, притягательное, еще не изведенное в этой картине. Иногда среди болот островками встре-

чаются крупные сосны в виде маленького соснового бора. На фоне этих сфагновых болот они выглядят особо красиво. В таких островных сосновых борах сплошным ковром растет крупная, спелая, большими кистями брусника. Собирали мы ее столько, сколько могли унести.

На кочках болота растут крупные, сочные, ярко-красные ягоды клюквы. Иногда ее бывает так много, что кажется – негде ступить, чтобы не раздавить. Как будто кто-то ее специально насыпал, особенно на кочки. Брусника и клюква созревают в сентябре. Во второй половине лета на болотах созревает морошка. Ягоды желтые, золотистые, необыкновенно нежного вкуса. Особенно много ее встречается около болотистых «окон». Это среди мхов небольшие, глубокие участки воды. Провалиться в «окно» очень опасно. Мало того, что они глубокие, так на глубине заполнены илом, поэтому если оступишься в них, то выбраться обратно очень трудно. В них человека может просто засосать.

Лес нас питал с ранней весны и до осени. Весной, пока еще не распустились почки на березе, собирали березовый сок. Позднее, когда на елях появлялись красноватые завязи шишек (называли их крупянки), употребляли их в пищу.

Ели также крупянки сосны и ее молодые побеги – пестики. Чего только не находили в лесу съедобного! Отрастала первая весенняя травка на лугах – шли за щавелем.

Наш уральский лес очень богатый. Первой созревающей ягодой была жимолость. Какая была это радость – идти

за ней! Этим самым открывался сезон сбора ягод. Жимолость – это невысокий кустарник, на котором попарно растут синие, с восковым налетом продолговатые ягоды. На вкус они горько-кислые, с красивой сине-фиолетовой мякотью.

Вслед за жимолостью созревала земляника. Обычно собирали ее ведрами. Считалось бездельем пойти в лес и набрать мало ягод. Нужно было всегда принести много. Сбор ягод – это теперь было не развлечение, а своего рода промысел. Жимолость и землянику сушили и заготавливали впрок. Сахара, чтобы сварить варенье, не было.

Одновременно с созреванием земляники появлялись первые грибы. Специально за грибами ходили редко, только в случае, если надо было набрать для засолки. А так пойдешь, бывало, за ягодами, несешь и грибы. Их в наших краях очень много. Грибы сушили и заготавливали мешками.

В лесах берега рек и ручьев поросли ивами, черемухой, калиной. На взгорках было много малины. Ближе к воде росла смородина. Вот такое разнообразие ягод дарил нам лес! Особенно вспоминаю необыкновенную вкусную ягоду с ананасовым ароматом – княженику. В наших краях ее встречается мало. По внешнему виду ягода похожа на малину. Мы очень радовались, когда находили несколько ее маленьких кустиков. Малина поспевала в августе-сентябре. В сентябре же поспевал и шиповник, которого росло обычно очень много. За малиной ходили в так называемые гари. Это площади, оставшиеся после лесных пожаров. Огромные масси-

вы, на которых очень много обгорелых бревен, располагающихся хаотично. Вот в таких местах были заросли шиповника и малины. Собираешь малину и ходишь не по земле, а по бревнам. Насобираем малины, а потом ведро-полтора – шиповника, и все это несем на себе пешком. Расстояния до ягодных мест были очень большие – десять-двенадцать километров. Шли пешком в ту и другую стороны, да еще при сборе ягод находишься, но все это считалось нормальным. Никто не считал это трудностью. Обычное дело.

Была у меня подруга моих же лет, такая же любительница леса. Сходим с ней за ягодами, устанем. Кажется, на другой день не сможем снова пойти. Ан нет! Встаю утром, болит все тело и ноги, а так хочется снова в лес! Иду. Стучусь к подруге в окно, и снова идем за ягодами. Ходили по два-три дня подряд и потом только отдыхали. Никаких разговоров об усталости, трудностях не было.

Дорогая бабушка, как она ухитрялась готовить нам еду! Шиповника насушивали мешками. Затем везли на мельницу, мололи, получалась мука. Зимой добавляли сухие распаренные ягоды или бруснику, все это перемешивали, и получалась масса в виде повидла, но несладкого. Из него пекли наши уральские шанежки (типа ватрушек). Если не было муки, то нарезали тонкие кусочки хлеба, на них намазывали это «повидло», ставили в русскую печь, и получались шанежки из хлеба. Вот до чего додумывалась наша бабушка. Теперь все это обдумываю и прихожу к выводу, что, несмотря

на недостаток основных продуктов питания, мы очень много употребляли витаминов и других ценных веществ, которые давал нам лес. А ведь это было еще до войны!

Какую пищу мы могли с собой взять в лес? В основном это был хлеб, ели его с ягодами, луком, вареной картошкой. Изредка могли взять с собой немного молока. А если удавалось взять огурец, то это было для нас большим лакомством. Иногда нам давали небольшой кусочек сахара. Очень любила сидеть у речки, обмакивать кусочек сахара в воду и есть его с хлебом.

За черемухой обычно ходили со взрослыми к большой реке, с ночевкой. Вспоминаю, как ходили к устью нашей реки, берега которой сплошь были покрыты кустами черемухи. За ее зарослями виднелся большой сосновый бор. До сих пор в моих глазах стоит эта чудесная картина. Все такое родное, любимое! Слепящий блеск реки на перекате, стога на прибрежных лугах, таинственная глубина соснового бора.

А утренние зори! А закат! Августовские туманы, покрывающие лощины и старицы! Спали обычно в стогу сена или у костра. Ночью в августе взойдет какая-то особая луна, делает все кругом призрачным, так что иногда становится жутковато. Сверкает роса на траве, шумит ветер-вершинник.

Сушеной черемухи заготавливали много. Большое удовольствие мне доставляло лазанье за ягодами по ее высоким кустам. Сушеную черемуху мололи и пекли знаменитые пирожки с черемухой.

А хождение за кедровыми орехами! Чуть только поспевают кедровые шишки, мы уже в кедровнике. Лазим по деревьям и добываем их. Вообще, я очень хорошо лазила по деревьям. Сейчас просто удивляюсь – как это ни разу не упала с дерева? Наверное, все это потому, что была очень худенькая, легкая, как я уже говорила, и сучья подо мной не ломались. Кроме того, существовала особая «наука» – умение правильно залезть на дерево, умело закрепиться на нем, а это значит – подобрать такой сук (обычно более вертикальный), который не обломится. Позднее, когда кедровые шишки сами начинали падать с деревьев, ходили в кедровники шишкарить. В этом случае – обязательно со взрослыми. Делалось это так: вырубали «колот» (небольшое бревно), подставляли его вертикально к стволу дерева, отводили в сторону и с силой ударяли по стволу. Происходило сильное содрогание дерева, и кедровые шишки дождем падали вниз. Их собирали, чистили, домой несли уже орехи. Много заготовить орехов мы не могли, так как это была довольно трудная работа. За целый день находишься по кедровнику, натаскаешься колота, домой идешь страшно усталый. Конечно, такая работа не для детей.

Какие красивые кедровые леса! Огромные развесистые деревья тянутся к небу, образуя сплошной полог из лохматых сучьев. Леса темнохвойные. Солнце едва пробивается сквозь них на землю. Когда собирают орехи, приходится много трудиться белкам, бурундукам, кедровкам. Все они

тоже занимаются сбором орехов. Весь лес наполняется шумом кедровок. Мы всегда в этом случае говорили: «Им жаль, что мы забираем у них орехи». Интересно было наблюдать за бурундуками. Этот зверек очень любопытный. Он мог близко подойти к человеку – встанет на задние лапки и рассматривает его.

Были свои неписанные законы тайги. Если нас, детей, брали в лес взрослые, не разрешалось ныть от усталости, чертыхаться в лесу. Упомянуть лешего, дьявола и другую нечисть. Считалось, что в этом случае можно заблудиться. Если кто нарушал это условие, то в следующий раз его в лес больше не брали. Обычно по лесу водил кто-то один из компании. Подсказывать этому человеку, куда лучше пойти, чтоб набрать больше ягод, тоже запрещалось. За все отвечал один человек, обычно самый опытный.

Взрослые далеко не каждого из детей брали с собой в лес. Меня же брать любили. Видимо, потому, что никогда не нарушала таежных правил, была очень трудолюбива, не лентяйничала, легко выводила компанию из леса. Я не понимала ориентира по солнцу, не знала других таежных примет, но очень хорошо запоминала путь, по которому мы шли. По нему и выводила. Если сомневались в том, правильно ли мы идем, обычно находили высокое дерево, один из нас залезал на него и рассматривал местность вокруг. Сверху можно было увидеть просеку, реку или просто тропу, ориентируясь по которым, можно было выйти из леса.

Когда шла в лес, то это значило, что шла на работу. Такая работа в тайге считалась обычным делом. Никто не давал скидки на то, что ты ребенок. Как это нам помогло во время войны! Страшный голод! Но лес, милый лес, нас кормил. Мне приходилось переживать все новые и новые горести. Я много страдала, подобно деревьям на Севере. Они растут и растут, несмотря на страшные невзгоды, и даже дают плоды. Детство и юность у меня украли. Дело доходило до того, что ели липовые лепешки. Для этого набирали молодые веточки липы, очищали их от коры, основательно сушили в русской печи, затем мололи. Получалась «мука», из которой пекли лепешки. К счастью, делали мы это не часто.

* * *

Итак, отец и мать – в тюрьме. Бабушка всячески ухитрялась, чтобы содержать нас. От отца мы получили за все время ареста два-три письма. От мамы писем не было совсем. Питались в это время очень скудно (об этом я часто пишу на страницах книги – уж очень тяжело, когда все время хочется есть...) У меня сохранилась одна фотография тех лет. Если посмотришь на этого ребенка – кости да кожа, среди которых выпирали суставы. Худенькая девочка с коротко остриженными волосами, руки, ноги – одни косточки. Грустный взгляд больших глаз. Даже страшно становится. Порой сейчас говорю, что если понадобится фотография ребенка

из немецкого концлагеря, можно взять ту мою фотографию. Вот так я выглядела, хотя войны еще не было. Таким было мое «счастливое детство»! Мы оказались в ужасной бедности. За что?

Прожили без родителей мы почти год. Не помню, как и почему, но бабушка стала часто говорить о том, что нас заберут в детский дом. Она покупает нам с сестрой два маленьких чемоданчика, и мы постепенно собираем в них наши вещички. У нас был большой страх перед детским домом. Мама очень боялась, чтобы в детский дом нас не отправили. Таких детей, как мы, – детей «врагов народа» – принудительно забирали в детские дома, расположенные за пределами мест проживания, в том числе находящиеся под надзором органов НКВД СССР. Иногда дети терялись. Были случаи, когда маленьким детям специально меняли фамилии. Потом найти такого ребенка было очень трудно, а порой просто невозможно. Мама боялась потерять нас. Таких детей специально разлучали с братьями и сестрами¹.

¹ В подтверждение сказанного приведу несколько примеров из жизни детей «врагов народа» в детских домах из газеты «Возрождение надежды», №7 (112) за 2002 год. Людмила Ивановна Петрова, город Нарва (Эстония), пишет: «Арестовали отца, затем и мать. Вместе с матерью забрали меня и брата. Маму посадили в тюрьму, а нас повезли в детский дом. Сначала разлучили нас с братом. Мне было двенадцать лет, брату – восемь. Затем нас наголо остригли, на нас повесили дощечку с номером, взяли отпечатки пальцев. Братик очень плакал, но нам не давали встречаться и разговаривать». Э. Войлошникова, «Под водительством Сталина. Этюды в письмах о далекой молодости узницы сталинских лагерей» (там же): «Арестовали отца, затем мать. Ребенка разрешили взять ро-

Дети таких детских домов были из разных территорий Советского Союза: Прибалтики, Поволжья, Украины, Москвы, Ленинграда, Заполярья...

Грудных и маленьких детей забирали у матерей упитанные дяди в форме НКВД. Можно представить, какой был крик и плач! Это объясняли тем, что яблоко от яблони недалеко падает. Ребенок «неправильно» воспитывался в семье «врага народа». Его следует перевоспитать. Жизнь детей репрессированных превратилась череду бед и унижений.

В настоящее время стало известно, что убили двух сыновей Каменева, сыновей Троцкого, исчезли в неизвестном направлении два сына Пятакова. Хотя в обществе в те времена говорилось, что сын за отца не отвечает. «Отец народов» многих детей оставил сиротами. Только до сих пор неизвестно – за что?

* * *

дителям матери. Но потом пришел работник НКВД и сообщил о том, что меня должны забрать в детский дом, сказав при этом: «Ребенок воспитывался в семье «врагов народа», и мы обязаны его перевоспитать». Детский дом для детей «врагов народа» находился в двадцати километрах от Владивостока. Это был переоборудованный пионерский лагерь, теперь обнесенный высоким забором с колючей проволокой, имелся пропускной пункт с вооруженной охраной, на окнах – решетки. Лозунги «Спасибо любимому Сталину за наше счастливое детство». Однажды прибыла комиссия. Завшивленных, грязных, покрытых коростой детей обязали искупать. Из письма А. И. Атанасова (там же): «Мне было одиннадцать лет, когда в сентябре 1937 года нас с мамой увезли в Днепропетровскую тюрьму. Мать оставили там, а меня – в детдом для детей «врагов народа». Там мы не занимались, кормили плохо, спали в больших комнатах».

Первого сентября я пошла учиться в школу в первый класс. Мне очень хотелось учиться. Было сказано, что 9 сентября нас повезут в детский дом. Под этим страхом проходили мои первые дни учебы в школе. И вот третьего сентября возвращаюсь из школы домой. День был светлый, осенний. Бегу по деревянным мосткам, которые вели от калитки к крыльцу нашего дома. И вдруг вижу сидящую у окна кухни... маму. Не помня себя от радости, вскочила на ступеньки и с разбега бросилась к ней на колени. Осыпая ее поцелуями, плача, кричала, что сейчас в детский дом не поеду. Собралась вся семья. Слезам радости не было конца. Дорогая моя мамочка была худая, седая. Но по-прежнему для меня красивая, милая, родная! Вот так судьба подбросила этой хрупкой девочке два счастья – она стала ученицей, и возвратилась из заключения ее мать.

Сейчас из следственного дела матери узнала, что она часто подвергалась допросам и после них попадала в больницу. В тюремной больнице палата была с решеткой, в ней четыре кровати, иногда на каждой лежало по два человека. Больные могли лежать и на полу. Спасла от смерти мою мать только молодость.

Мама в очередной раз попала в больницу, там ее и застало распоряжение об освобождении. Тюремному начальству было дано указание – освободить, а если она не в силах ехать домой, то перевести в обычную больницу. Такое распоряже-

ние было дано в начале августа. Но это указание выполнено не было, ехать она не могла. Так и лежала в тюремной больнице до тех пор, пока не поправилась и смогла поехать домой. Все это время она даже не знала, что ее освободили, поэтому лишний месяц была в заключении. А как могла за это время распорядиться нами судьба?! Видимо, Сам Бог помог ей поправиться и тем самым спасти нас от детского дома.

Мама вернулась домой очень слабенькой. Ей в это время было тридцать пять лет. До сих пор помню ее милые, выразительные глаза. Как любила прижаться к ней, почувствовать ее тепло! Прикосновение к матери меня отогревало, сбрасывало ту скованность, которую всегда чувствовала в своем теле.

Бабушка в этом отношении была довольно суровым человеком. Мы понимали, что она нас любила, заботилась о нас, но ласки от нее мы не видели. Я не обижаюсь на нее.

Пережить такое – дочь и зять в тюрьме, с клеймом «враги народа»! Ей приходилось содержать нас, двух сирот, совершенно без всяких средств к существованию, каждый день думать, чем нас накормить. По-видимому, на ласку, тонкие чувства по отношению к нам не оставалось никаких душевных сил. Мама же была совершенно другим человеком.

Учиться в школе мне очень нравилось. Я была старательная ученица, училась на «отлично». С большим уважением вспоминаю свою первую учительницу, Богданову Веру Николаевну. Она была прекрасным, глубоко культурным чело-

веком. В свое время окончила гимназию, и ее гимназическое образование проявлялось во всем. Это был эталон русской женщины! В нашем маленьком городке она пользовалась большим авторитетом и уважением. Это был чуткий, добрый к детям человек. Под стать ей был и ее муж – Павлин Иванович. Он работал служащим на комбинате и был другом моего деда. У них было шестеро детей. Самый младший учился со мной в одном классе. Жили они до предела скромно, бедность во всем преследовала эту семью. Но, несмотря ни на что, культурный уровень семьи был всегда на высоте.

Вера Николаевна воспитывала нас своим внешним видом, каждым своим движением, своими поступками. Была она невысокого роста, с короткими кудрявыми волосами, заколотыми гребенкой, с большими, яркими, выразительными глазами и в своей неизменной черной юбочке, трикотажном жакете и белой кофточке. Сколько ее помню, она всегда была в этой одежде. Мне доводилось по поручениям бабушки иногда приходить в эту семью. Общение с ними очень обогащало. Тяжело мы пережили смерть Павлина Ивановича. Это было так, как будто умер член нашей семьи.

Не помню, чтобы наша учительница на кого-нибудь из детей накричала. Чаще всего она подзывала к себе провинившегося ученика и требовательным голосом делала ему внушение. Мы все ее любили. Старались ей подражать во всем. Вот уж действительно это называлось воспитанием силой примера! Сила примера – стержень всякого воспитания. Ве-

ра Николаевна иногда приходила в гости к нашей бабушке. И если та спрашивала у нее, как я учусь, как веду себя в школе, то она обычно подзовет меня к себе и спрашивает:

– Ну, Галя, что мы ответим?

Она никогда не была мною недовольна. Я была не по возрасту серьезна. Отпечаток грусти преследовал меня. Всегда помнила, что мой отец в тюрьме. Он – «враг народа». Раннее сиротство и горькое детство научили меня слышать и видеть больше других детей. Тяжелые условия, бедность – все это стало для меня хорошей школой.

Воспитание детей в школе в те времена проводилось в условиях, когда в детских газетах, журналах, книгах – везде говорилось о том, что детям надо быть бдительными. Кругом на фабриках, заводах проводятся взрывы, диверсии, поджоги. Эталоном для детей был Павлик Морозов.

Помню, как сестру Нину (она училась в шестом классе) дети в школе столкнули с лестницы под возгласы:

– У нее отец – «враг народа»!

Бедная Ниночка, она пришла из школы вся заплаканная, побитая. Мы, как могли, успокаивали ее. Представляю, как эту сцену пережила мама? Семья наша была очень дружная. Видимо, общая беда настолько нас сплачивала, что об эгоизме и речи быть не могло. Мы старались только приятное делать друг другу. Мать для нас была просто божеством.

Переходя из класса в класс, я получала похвальные грамоты. Вот одна из них, за второй класс, лежит передо мной.

В верхнем левом углу изображен портрет Ленина, в правом – Сталина.

В те времена был распространен плакат, на котором изображен Сталин, держащий на руках нерусскую девочку. Внизу было написано: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

Я ему должна несколько раз сказать «спасибо»: за то, что он оставил меня без родителей; за то, что была лишена возможности резвиться, как все дети; за то, что еще не могла осознать, но уже была дочерью «врага народа»; за то, что в детстве не могла досыта есть; за то, что была как былинка в поле, – за все-все ему большое спасибо? Сколько несправедливостей, унижений, незаслуженных оскорблений пришлось мне испытать с раннего детства!

* * *

Теперь нам стало жить легче – с нами была мама. На работу ее никуда не принимали, кроме кирпичного завода. На нем полукустарно делали кирпичи. Глину мешали с помощью лошадей, которые все время ходили по кругу. Работа была наполовину ручная. Мама работала на станке. В ее обязанности входило формовать кирпичи. Для этого в специальную выемку станка руками следовало положить комок глины (специально подготовленной), прижать его крышкой и, нажав на педаль, вынуть получившийся кирпич из формы.

Затем сложить кирпичи в тележку и отвезти к печам для обжига. На таких операциях работали женщины.

В мою обязанность входило принести маме обед. Чтобы дойти до кирпичного завода, нужно было пересечь небольшой лесок. Лес – это моя слабость! Все мне хотелось что-то рассмотреть. Иду однажды с горшком супа. Это был картофельный суп с крупными макаронами. Засмотрелась, запнулась, упала и пролила суп. От обиды за то, что мама осталась без обеда, разревелась. Что было делать? Стала руками собирать макароны и кусочки картошки. Пришла на завод, плачу, рассказываю, что со мной случилось. Убеждаю в том, что макароны можно есть, – они чистые. По-видимому, столько горя было в моих глазах, что вокруг меня собрались женщины-работницы. Стали уговаривать, успокаивать. Ответом на все это были мои громкие рыдания. Тогда женщины стали делиться едой с мамой. Когда я увидела, что она может поесть, стала успокаиваться. Вот так мы дорожили матерью! Причинить ей боль, неприятность было для нас большим горем.

Бабушка воспитывала в нас особое чувство любви, бережного отношения к матери. Однажды лишившись ее, мы боялись потерять снова. Бабушка часто говорила нам:

– Берегите мать. Если она умрет, то вы не сможете жить.

Теперь надо понять так – не жить, а выжить. Мать для нас была спасительницей от всех бед и огорчений. Как мы ждали ее с работы! Каждый раз я стремились порадовать ма-

му, обычно своими пятерками в школе. Может быть, поэтому училась хорошо? Дома мы видели маму очень мало. Она всегда много работала, старалась как можно больше заработать, чтобы прокормить нас.

О сильной любви к матери говорит такой случай. Я болела корью уже в возрасте девяти лет. Все тело мое было покрыто сыпью, высокая температура. Мама очень волновалась за меня. Придя с работы домой, не отходила от моей кровати. Я начала поправляться. Однажды бабушка мне говорит:

– Как мать придет, ты пой песню. Она обрадуется и поймет, что тебе уже лучше.

Приходит мама с работы, спрашивает:

– Как она себя чувствует? Бабушка говорит:

– Слышишь, она уже песни поет!

Мне это стоило огромных усилий. Делала я это для того, чтобы успокоить маму. Так у нас воспитывали любовь к матери. Это святое чувство сохранилось на всю жизнь.

Проработав два года на кирпичном заводе, мама перешла на работу в детские ясли воспитательницей в младшую группу. Моя мама очень любила детей. У нее всегда были хорошие отношения с родителями воспитанников. Забегая к ней на работу, зачастую видела такую картину: мамаша зимой, укутавшись от мороза, порой в рабочей одежде, прибегает в ясли кормить грудью ребенка. А делать это надо было через каждые три часа.

Атмосфера в детских яслях была очень хорошая. В коллективе работали одни женщины. Они по-особому, сочувственно относились друг к другу, если кого-то из них постигали неприятности. В будущем долгое время они оставались друзьями.

Однажды прихожу из школы, бабушка плачет, дает мне треугольный конверт и просит отнести его маме на работу. Это было письмо товарищей отца по лагерю. В письме сообщалось о том, что отец умер, послано оно было нелегально. Сейчас удивляюсь: как оно могло дойти до нас?

Вот его содержание: «Мы – несколько знакомых Вашего мужа, Владимира Адамовича Саковича, – решили известить Вас о печальной действительности. Ваш муж умер 13 октября. Сочувствуем Вам и дочкам Владимира Адамовича в Вашем горе».

Приписка: «Уважаемая, я была у своего мужа на свидании, и они просили послать Вам эту записку. Это их всех ожидает. Одни слезы. Как я побыла, посмотрела, жить не захотелось. Какие муки они переносят! До свидания». Подписи нет. После этого мама написала письмо начальнику лагеря, чтобы сообщили, жив или нет ее муж. Ответа не было. Написала туда же письмо и Нина. Ей тоже не ответили.

Перед этим мы получили письмо от отца, где он писал о том, что ему назначили противощинготный паек и чувствует он себя «хорошо». Письмо было написано 21 августа 1939 года. Это было третье и последнее письмо, которое мы

получили от отца за два года заключения. До письма его друзей, сообщивших о смерти отца, выслали ему посылку.

Не получив ответа от начальника лагеря, мама пишет на почтовое отделение с вопросом о том, чтобы сообщили – вручили ли ему посылку? На что получаем ответ: посылка вручена 25 декабря 1939 года!!! Оказывается, отец умер 13 октября, а посылку ему вручили в конце декабря! Вот ведь как могло быть! Мы отрывали от себя последние крохи, чтобы послать отцу немного продуктов. А, видимо, посылки арестанты вообще не получали. Ведь, не задумываясь, написали такую чушь. Поэтому у нас долго в душе теплилась мысль о том, что отец жив. В те времена политически заключенных зачастую лишали права переписки с родными. На самом деле это означало расстрел, а родственникам сообщалось – без права переписки. При этом человек-то уже давно был на том свете. А, может быть, лишили и его? Что только не предполагали! И лишь в 1957 году нам сообщили о том, что отец умер. У нас ни у кого не поднималась рука помянуть отца в день его смерти. Мы просто хватались за соломинку, не веря в его смерть.

В 1957 году нам выдали похоронную. В ней не было указано место смерти – ни области, ни района, ни края, ни республики, но зато указана причина смерти – крупозное воспаление легких. Получается так, что неизвестно, где он умер, но известна причина смерти. В некоторых документах по этому поводу написано – гриппозное воспаление легких.

Поражает безграмотность людей, вершивших судьбы человеческие! Вот и все, что мы узнали об отце только в 1957 году.

Мама рассказывала нам один случай из их жизни в тюрьме. Однажды арестанты устроили им свидание. Сделали это так: в одно и то же время они пришли за баландой для своих камер. Как удалось заключенным это сделать – до сих пор остается загадкой. Вот уж была взаимовыручка у заключенных!

Когда мама вошла и увидела отца, узнать его было трудно – абсолютно седой, обрюзгший, опухший, и голос был изменен. Он шепелявил. Наверное, не было зубов. Как его терзали, избивали, мучили – совсем невинного человека! Они смогли перекинуться всего лишь несколькими фразами. Он сказал:

– Катюшка, я все сделаю для того, чтобы тебя освободили, чтобы ты была с детьми. Посвяти себя всю воспитанию наших деток. Сделай все возможное, чтобы они получили образование.

И все. Для дальнейшего разговора возможности не было. Бедный наш папочка, представляю, сколько издевательств тебе пришлось перенести!

Всю жизнь мать жила ради нас. Помня эти слова отца, бывшие для меня как завещание, я преодолевала огромные материальные и моральные трудности, много училась и в итоге стала кандидатом наук.

Мне сначала было непонятно: что он мог сделать в тюрьме, чтобы освободили маму? Впоследствии узнала, что если заключенный отрицал все обвинения, предъявляемые ему следствием, несмотря на все издевательства, то последней угрозой было – посадить и отправить жену в лагерь, а детей в специальные детские дома НКВД. Первое они уже выполнили – маму посадили в тюрьму. Намечена уже была отправка и нас, детей, в детский дом. Это были последние угрозы следствия. Попытки его не могли сломить, а такая угроза – смогла. По-видимому, он все стал подписывать, что ему предлагалось, чтобы сохранить нас. Страшно все это представить!²

Сейчас я понимаю, что в освобождении мамы сыграла роль не только эта причина, но и «польская операция». Настолько много посадили жен и отправили детей в детские

² В подтверждение моих этих слов приведу выдержки из газеты «Возрождение надежды», №7 (112) за 2002 год, из статьи «Последний допрос» Владимира Тиминского из города Калуги: «... для допроса поднялся на третий этаж, кабинет выходил на улицу. «Садись к столу, – сказал следователь, не вставая. – Сегодня я разговариваю с тобой в последний раз. Или ты сознаешься, или мы будем принимать другие меры. Прежде всего арестуем твою мать. Она не могла не знать о твоих вражеских действиях. Этого достаточно, чтобы ей дали десять лет. Сестру, как несовершеннолетнюю, отправим под другой фамилией в детский дом». Он подозвал меня к окну. Внизу из черной машины вышла мама. Маму арестовали. Я не мог представить многочасовые допросы под горячей яркой лампой. Я готов был сделать все, что они прикажут, чтобы не допустить этого. Следователь заговорил: «Или сейчас ты признаешься во всем, и мы отпустим твою мать, или сделаем то, о чем я тебе говорил». Выхода не видел. Капкан захлопнулся. Сопrotивляться, бороться бесполезно. Я выдавил из себя: «Все подпишу».

дома (300 000 детей), что просто не знали, что с ними делать. В связи с этим поступило распоряжение из Москвы – часть жен освободить, естественно, с ними освободятся и дети, или отправить семьи на поселение. По-видимому, эти два фактора сыграли роль в освобождении мамы из заключения.

* * *

Наступило еще одно страшное испытание – началась война. К этому времени я уже закончила третий класс. Еще до войны снабжение городка было плохое. Трудно было купить промышленные товары, в особенности ткани, даже самые простые, например ситец. За ним занимали очереди с вечера и простаивали всю ночь. Перед глазами такая картина: у магазина с вечера стоит огромная толпа. На ладонях люди пишут номер очереди. Отойти на какое-то время было нельзя, так как людей часто пересчитывали, и если тебя в это время не было, то очередь пропадала. Следовало занимать ее второй раз. Поэтому приходилось стоять всю ночь, вплоть до открытия магазина. Мы, дети, стоя в такой очереди, находили возможность для развлечения. Я обычно стояла с вечера, а ночью меня заменяла бабушка.

Какая была радость – купить пять-десять метров ткани! А если это был ситец, то особенно радовались, так как это означало, что кому-то из нас сошьют платьице. В основном мы носили вязаные платья, кофточки, юбочки, чулки, нос-

ки – все это вязали мама и бабушка. Они были большие рукодельницы, и это очень нас выручало. Старые изделия несколько раз перевязывались.

Начало войны почувствовали тогда, когда за хлебом начали выстраиваться большие очереди. Стояли целыми днями и ночами. Хлебные магазины работали круглосуточно. Мы с Ниной приспособились ходить за хлебом ночью. В самой середине ночи очередь за хлебом была меньше.

В это время в городке начались разбои. Ночью часто нападали на людей и все, что у них было, забирали. Произошло нападение и на нас с Ниной, когда мы с нею ночью возвращались из магазина с сумкой хлеба.

Чтобы дойти по улице до нашего дома, нужно было перейти деревянный мост, которой проходил через большой овраг. Идем мы с ней уже по середине моста, как вдруг с обеих сторон из-под моста выскакивают на нас хулиганы. Мы побросали сумки с хлебом и побежали, но в разные стороны. Она вперед по мосту, а я – назад. Не знаю, как нам удалось, но мы убежали. Может быть, этим хулиганам нужен был только хлеб? А может, они растерялись – за которой бежать?

Прибежав домой, Нина, плача, кричит:

– Галину поймали хулиганы!

Я же, пробежав мост, заскочила во двор первого от него дома. Хозяин находился в доме один. Он вышел во двор и увидел меня, плачущую. Стал, как мог, успокаивать, спра-

шивая, что со мной произошло. Затем вместе с ним мы вышли на улицу. Около моста была большая толпа людей. Среди них была мама. Искали меня, облазили весь мост и овраг. Что творилось с мамой – представить трудно. Увидев меня, она бросилась ко мне и, рыдая, прижала к себе. С тех пор мы за хлебом ночью больше не ходили.

Наши края – это места ссылок, лагерей заключенных. Но не помню, чтобы кто-то из них причинял нам неприятности, – вероятно, потому, что большая часть попавших туда людей были не уголовниками, а «политическими».

* * *

В начале войны к нам в городок стали прибывать эвакуированные, много людей – вместе с предприятиями. Был эвакуирован военный завод из Кунцево (под Москвой). Станки и оборудование из вагонов вытаскивали прямо на землю. Под цеха освобождали территории нашего комбината. Из досок сколачивали помещения для цехов. Это в наших суровых краях! Несмотря ни на что, устанавливали оборудование, и люди работали.

Эвакуированных стали расселять по домам. В этом случае никто не спрашивал разрешения к их поселению. Приводили людей и просто говорили – вот столько человек будет жить у вас.

Наш дом был небольшой: две маленькие комнатки, про-

ходная кухня вместе с прихожей. К нам подселили двух мужчин – отца со взрослым сыном. Оба они работали на заводе, у них была бронь от призыва на фронт.

Работали сутками, без всякого учета времени, порой до тех пор, пока могли стоять на ногах. Наши квартиранты были измученные, всегда в замасленной, грязной рабочей одежде. Самое страшное, что у них были вши. Бабушка заправляла углями паровой утюг, и мы все время проглаживали нижнее белье, в особенности швы, в которых могли быть вши. Бабушка требовала, чтобы это делали и наши квартиранты. Она заставляла их стирать свои вещи. Мыла не было. Настаивали в воде золу и этим раствором стирали. Естественно, что в таких условиях жизни в городе вспыхнула инфекция сыпного тифа. На счастье, эта болезнь миновала наш дом.

Голод усиливался. Хлеб стали давать по карточкам – двести граммов на человека. И то непонятного качества. Спасал нас только картофель и дары леса. Но и эти продукты распределялись по дням буквально на граммы.

Случилась беда: наши квартиранты оставили нас без семенного картофеля. Они открыли отдушину в подвал, который был под их комнатой, и весь картофель померз. Встали перед фактом – для посадки картофеля нет. Купить его мы не могли – он стоил баснословно дорого.

Наступила весна. Огород мы засеяли, семена все-таки купили. Хотя в этом году мы уже не могли засаживать весь наш

огород картофелем. Стало еще голоднее.

Если нам удавалось приобрести немного картофеля, то обычно срезали верхушки клубней и бережно хранили их до весны. Так хотелось съесть немного, что я обычно ходила вокруг этих верхушек и доказывала, что еще можно обрезать слой. А кустик картофеля все равно вырастет из оставшейся части. Вот как мне хотелось есть! Пайка хлеба казалась очень маленькой. Это был кусочек черного, испеченного с кукурузой и какими-то непонятными отходами, грубого хлеба. Съесть его сразу нам не давали. Делили этот кусочек на две части и съедали его в два приема. У меня выработалась привычка: укусив кусочек хлеба, не глотать его, а сосать. Видимо, приятно было продлить удовольствие от хлеба. Эта привычка сохранилась до сих пор. Голод выработал привычку любить хлеб.

Городок наш – промышленный. Деревень вокруг него очень мало, да и те были довольно небольшие. В них в основном занимались животноводством. Разводили коров, свиней, романовских овец, птицу. Сеяли различные кормовые культуры для животноводства. Немного высевали яровой пшеницы, но хлеб из нее получался слишком серый. Вдоль реки были площади заливных лугов. На них росли прекрасные травы, поэтому была возможность заготавливать много сена. Деревни располагались большей частью вдоль реки.

Нина к этому времени окончила курсы учителей начальных классов, продолжала учиться заочно в педучилище и ра-

ботала учителем в одной из таких деревень. Она была очень неприспособленным к жизни человеком, в отличие от меня. Объясняется это тем, что до тринадцати лет прожила с отцом, который всегда обеспечивал семью. Мне же пришлось прожить с отцом до семи лет, а дальше только думала о том, как бы достать пропитание для всей семьи.

Я всегда старалась как-то помочь семье. Учась в начальной школе, часто жила у Нины в деревне во время летних и зимних каникул. Летом ходила работать в огородную бригаду колхоза на прополку овощей. За это получала обед в колхозной столовой – это обычно была ячневая каша, политая молоком вместо масла.

Приезжая зимой, помогала колхозу перебирать картофель в овощехранилище. За день такой работы нам давали по пять килограмм картофеля. Это было большой радостью. Осенью одно время жала серпом рожь. Но, не зная тонкостей такой работы, сильно порезала на левой руке палец – мизинец. Палец сохранился, но после травмы меня больше не стали брать на эту работу. Ведь, по сути дела, я была еще совсем ребенком (10—11 лет). На руке на всю жизнь остался шрам от этой работы.

Во время войны люди ходили по деревням менять вещи на продукты. Нина же всегда приезжала домой из деревни голодная. Мы как могли помогали ей. Такой она осталась на всю жизнь. Была очень доброй к людям. Ей всегда всех жалко, она могла все отдать человеку, который был беднее

ее. Ее добротой зачастую пользовались нечестные люди.

Менять вещи на продукты ходили мы с мамой. Чаще всего это были всякие вязаные изделия. Ходили пешком десятки километров. Летом было проще. Идем, бывало, по деревне стучимся в дома и предлагаем вещи. Для того чтобы покушать, просили немного молока, вареной картошки и кусочек хлеба. Это была не милостыня. Взамен всегда мы что-то давали. Сядем, бывало, на завалинку перед домом, поедим, и так радостно становится на душе! Все, что наменяем, несем домой.

Однажды произошел такой случай. Дело было зимой. Крепкий мороз и сильная поземка. Пошли с мамой в деревню. Выменяли немного ржаной муки и картошки. Картофель хорошо укутали, чтобы не замерз. Положили все на сани. Пешком надо было идти пятнадцать-восемнадцать километров.

Идем. Дорогу замечает все больше и больше. Вот она уже еле заметна. Идем по снегу. Благо, он был очень крепок из-за сильной поземки. Ориентируемся по электрическим столбам. Километров за пять перед городом должны были выйти к замерзшей реке. Перед рекой на горюшке стоял пустой деревянный барак без окон и дверей. Таких пустых бараков в лесу можно было встретить много. Оставались они от лесорубов. Это значило, что здесь когда-то рубили лес и в них жили рабочие. Рядом была река, по которой летом сплавляли лес. В этом случае в барак могли жить и сплавщики. Ко-

гда работы заканчивались, бараки просто бросали. Если мы ходили за брусникой на вырубке и встречали такие заброшенные бараки, то ночевали в них.

Идем мы с мамой. Метель, пурга усиливаются. Поравнялись с бараком. Вдруг из него выходит мужчина, подходит к нам и спрашивает:

– Как добраться до города?

Душа ушла в пятки. Смеркается. Стало уже довольно темно. В то время на дорогах были разбои. Какие-то люди, то ли дезертиры, то ли сбежавшие с заводов, часто встречали таких меняльщиков и все у них отбирали. Ходили они по лесам. На большие дороги выходили редко, только за тем, чтобы добыть себе еду.

Он нам сказал, что тоже ходил менять вещи на продукты (в руках у него были две сумки), шел домой и заблудился. Зашел в барак, чтобы переждать ночь. Тут увидел нас и вышел. Мы ему сказали, чтобы шел за нами. До города оставалось километров пять. Мама толкает меня вперед, чтобы я шла первая, затем идет она и сзади этот мужчина. Мне стали понятны ее действия. Если он ударит, то пострадает она, а не я. Мужчина был довольно интеллигентного вида. Но все-таки нам было очень страшно: темно, пурга, кругом лес.

Он рассказал, что приехал в отпуск после ранения к семье, эвакуированной в наш город. Долго искал семью и наконец нашел. Семья страшно голодала. Поэтому решил поменять вещи на продукты.

Вскоре мы вышли на реку. Она довольно прямая в этом месте, поэтому вдалеке замаячили огоньки. Как обрадовались! Дошли до города, распростились с нашим новым знакомым. Он попросил адрес. На второй день приходит к нам домой и благодарит за то, что мы его выручили, буквально спасли от смерти. Еще неизвестно, чем бы закончилась его ночевка в бараке. Было очень холодно, он мог и замерзнуть. В благодарность за то, что мы для него сделали, он подарил два пакетика зубного порошка. По тем временам это было дефицитом, а для нас настоящим подарком.

Приезжим людям было тяжело приспособиться к нашим уральскому климату. В то время было много эвакуированных из Средней России, Украины. Они очень тяжело переносили морозы и те нечеловеческие условия жизни, в которые попали. За опоздание на работу, прогул, в особенности за самовольный уход с работы, судили по законам военного времени. На заводах много работало женщин, молодых девушек. Многие из них не выдерживали и сбегали с работы.

Однажды мы шли в деревню: часть расстояния по железной дороге, часть по лесу. Идем по железной дороге, подходят к нам две молодые девушки (по-видимому, сбежавшие с завода) и спрашивают, правильно ли они идут. Также спросили, где поблизости находится какая-нибудь деревня, чтобы раздобыть себе немного еды. На железную дорогу беженцы выходили для того, чтобы убедиться, правильно ли они идут. Шли в основном по проселочным дорогам. В ином слу-

чае их быстрее могли поймать, а это значит – судить. До сих пор стоят у меня в глазах эти две красивые девушки. Мне кажется, они были украинки.

На заводах работали трудармейцы. В трудовой армии служили в основном жители Средней Азии. Какой убогий у них был вид! По-видимому, все, что они имели из одежды, наматывали на себя. Надо было их понять – коренные южане – и вдруг попали в такие суровые условия! Иногда они ходили по домам и просили милостыню. По-русски говорили очень плохо. Придут, бывало, и просят:

– Шесть ног одна голова.

Мы, дети, смеялись:

– Шесть ног одна голова! (Злой был смех). От взрослых за это попадало.

Это означало: дайте чеснока одну головку. Жаль было их очень. Бедный наш народ, сколько он выстрадал!

Летом продолжали ходить за ягодами, но теперь уже их продавали, а на вырученные деньги покупали кусочек хлеба. Чтобы набрать ягод, нужно знать ягодные места. Приезжие не могли этого знать. Мы же знали, когда и куда пойти за той или иной ягодой, поэтому редко приходили пустые.

* * *

Наступил самый страшный для нашей семьи год – сорок третий. Я пошла учиться в шестой класс. Вдруг маму при-

возят с работы в тяжелом состоянии. На следующий день ее срочно отправляют в больницу в Свердловск. Заболевание – онкологическое. Мы с бабушкой остаемся вдвоем. Нина работает в деревне. Ни еды, ни топлива – нет ничего. Как на зло, в этом году были сильные морозы. Каждый день, придя из школы, брала санки и шла в лес за дровами. Что же я могла привезти? Это были сучья, которые торчали из глубокого снега, полусгнившие пеньки и мелкий хворост. Такими дровами в лютые морозы дом не натопишь. Но все-таки можно было согреться.

Тогда многие люди возили дрова на себе. Транспорта никакого не было. За дровами ездили довольно далеко. Поблизости все было собрано. Идти одной за дровами мне не было страшно.

Однажды нарубила дров, сложила на санки и иду. День был ясный. Необыкновенно ярко светило солнце. Крепчал мороз. Снег блестел так, что порой резало глаза. Проезжаю маленькое болото. Там росли вековые кедры, ветки которых, с их темной хвоей, красиво выделялись на белом покрывале из снега. Было очень красиво! Остановилась, чтобы немного передохнуть. Села на свой возок и стала любоваться природой, о чем-то мечтать. Блаженное состояние охватило меня. Незаметно стала засыпать. Так это было приятно! Из леса, тоже с дровами, ехали наши соседи – муж с женой. Подъехали ко мне и увидели меня засыпающей. А ведь это означало, что я начала замерзать. Разбудили, растормошили меня

и дальше поехали все вместе.

Приезжаем домой. Они рассказывают бабушке, что со мной произошло. Все были очень расстроены. Посоветовавшись, соседи решили всегда брать меня с собой, когда поедут за дровами. Своих детей у них не было, и с тех пор они меня очень полюбили. Теперь возить дрова стало легче. Со взрослыми могла отпилить чурку хороших дров, которых нам хватало на более длительное время, а это значит, что могла ездить за дровами уже не каждый день. Заготовка дров была полностью на мне. Бабушка уже стала совсем старенькая. Дома она помогала распилить дрова, а колоть их и делать все остальное приходилось мне. В это время мне было тринадцать лет.

Середина войны. Голод стал еще более жестоким. В школе на полдник нам давали булочку, пятьдесят граммов. Она была такая маленькая, румяная, такая аппетитная. Я ее не съедала, а приносила домой. Каждый раз сушила сухари и складывала их в небольшой горшочек. При этом говорила, что, как приедет мама из больницы, подарю ей эти сухари. Но как мне их хотелось съесть! Часто заглядывала в горшочек, чтобы посмотреть, сколько их уже накопилось. В школе же, получив булочку, бережно клала ее в портфель и выходила из класса, чтобы не видеть, как аппетитно съедали такие булочки другие дети. До сих пор поражаюсь сама себе – как у такой хрупкой, голодной девочки изо дня в день хватало сил не съесть булочку!

Мама пролежала в больнице довольно долго. Никто из нас не мог съездить навестить ее. Лечили облучением. Вернулась она очень больной и почти год не могла работать.

Как торжественно в первый день ее пребывания дома я преподнесла ей этот горшочек с сухарями! Сколько гордости за свой поступок было у меня! Конечно, эти сухари ели мы все вместе, и несколько дней... К чаю брали каждый по одному сухарику. Вообще, в нашей семье не было эгоизма в еде. Сидим за столом, все голодные, но никто не старается съесть больше. Наоборот, каждый старался положить другому больший кусочек. Так было заведено. Если сейчас в семьях вижу, как дети хотят съесть больший и лучший кусочек какого-либо лакомства, мне становится не по себе. Да еще родители порой подсовывают лучший кусочек. Чего можно ждать от такого ребенка? Кто из него вырастет? Как он будет относиться к своим родителям? Все негативные явления в семьях возникают от воспитания человека в детстве.

Вся тяжелая работа по дому лежала на мне. Учиться стала хуже. Начала получать тройки, изредка могла получить даже двойку. Это был шестой класс, середина зимы, февраль. Мы уже совсем погибали от голода. Принимается решение – поменять наш домик на худший, но за это нам дадут в придачу... козу. Домик наш строил дед. Он был небольшой, но сделан со вкусом и даже с некоторыми удобствами. А мы переехали во вросший в землю сарай, переделанный в жилье. Но решение было принято. Какая радость! У нас

появилась коза? Молока она нам пока не давала, была суяг-на.

Улучшить наше положение в то время могла только я. Но как? На семейном совете было решено, что бросаю школу и поступаю на работу. Это значило, что буду получать в два раза больше паек хлеба и обед в столовой.

* * *

На военном заводе снабжение рабочих было лучше, чем на комбинате. Иду туда. В отделе кадров мне говорят: так как мне нет еще четырнадцати лет, в цех взять не могут. Вероятно, такой жалкий вид я имела при этом отказе, что предложили работу курьера в завкоме завода. Согласилась. Моя работа заключалась в том, чтобы разносить всякие бумажки по цеховым комитетам завода. Я была очень любопытна. Приду в цех – все интересно. Стану и смотрю, как трудятся рабочие. Пройдет много времени. Спыхвачусь. Бегу скорей в завком.

В одном из цехов завода был обжиг и сортировка патронов. Стояли большие столы. На их середину грудой высыпали патроны после обжига. С обеих сторон стола сидели женщины и сортировали их. Мне нравилась эта работа. Очень хотелось работать в цехе, но меня не брали. Труд был очень утомительный. Работали женщины по двенадцать часов в сутки. С одной стороны, от работниц были пышущие

жаром печи, а с другой – дощатые стены цеха. Получалось так, что с одной стороны жар, а с другой – холод. Вот так и работали женщины. Многие из них были больны туберкулезом. Иногда приду, присяду к ним и сортирую какое-то время патроны. Очень мне нравилась эта работа! Людям тогда был свойствен большой патриотизм. Никакого недовольства не было. Все работали во имя Победы!

Работники завкома меня любили, наверное, потому, что была очень старательная. Если не было работы, то просила, чтобы ее дали. Почерк у меня был красивый, поэтому мне давали переписывать какие-нибудь бумажки.

Через завком проходила вся помощь рабочим. Им давали дополнительные пайки хлеба, талоны в столовую, талоны на мыло, обувь, одежду. Иногда давали и мне дополнительно талончик. Когда шла на работу, брала с собой судки. В столовой обычно давали суп-затируху. Какая была радость – получить лишнюю порцию! Вот так мы и стали жить. Еще и Нине отделяли что-нибудь от себя. Так что я уже стала кормилицей семьи. Тяжелая жизнь воспитала во мне раннюю самостоятельность.

Рабочие завода сильно голодали. Той пайки хлеба, которую им давали, явно не хватало. Мужчины приходили в завком и просились на фронт. Вспоминаю одного мужчину: высокий, стройный, даже, скорее, худой человек, с необыкновенно красивыми голубыми глазами. Как он просился, просто умолял послать его на фронт! Обычно такие люди полу-

чали отказ, так как специалисты нужны были в тылу.

Однажды послали меня на склады завода – привезти в завком бумагу, канцелярские товары и еще разные материалы. Транспортом служила лошадь. До этого я никогда не ездила на лошади. Она была тощая, шла плохо. Мне дали хлыст. Получила товары на складах. Еду на телеге по территории завода. По обочинам двигались люди. Лошадь не идет. С большой силой размахнулась хлыстом, чтобы ударить ее, и сильно, со всего размаха ударила позади себя какого-то мужчину. Страшно испугалась. Он оторопел от неожиданного сильного удара. На его лице осталась отметина. Выхватил у меня хлыст. Когда взглянул на меня и увидел перед собой испуганную девочку – растерялся, не зная, что со мной делать. Я разревелась. Мне его стало жаль. Вот так мы и смотрели друг на друга. Ничего не сказав, он просто отпустил меня.

Этот случай стал известен работникам завкома. Выяснилось, что это был очень крупный в стране специалист-конструктор, приехавший на завод из Москвы. Вот так его угостила!

Проработала до лета. Стали отправлять детей работников завода в пионерские лагеря. Сбор был около здания завкома. Как мне хотелось поехать с детьми в пионерский лагерь! Ведь я была с ними одного возраста. Стала уговаривать председателя завкома, чтоб мне разрешили поехать туда хоть на короткое время. Он объяснил мне, что не могу ехать в пионерлагерь, так как уже работаю. Какая была наивная!

Уж очень хотелось побыть с этими детьми. Но ведь я работник! Дети, которые учились в школе, имели право на отдых, а я – нет. Погоревала, погоревала, с тем и осталась.

Мама понемногу стала поправляться. Произошло это во многом благодаря козе. Теперь мы могли хоть немного пить козье молоко. Ухаживали за козой очень хорошо. Всегда старались нарвать ей травки. Она очень привыкла ко мне. Как только я заходила во двор, она неизменно подходила и ждала от меня какой-нибудь пощипки.

На нашей улице многие жители стали держать коз. И из них было организовано стадо. Пасли по очереди. Когда подходила наша очередь, то пасти обычно приходилось мне. На работе нам изредка давали выходные дни. Если у меня была возможность, то пасла стадо за кого-нибудь другого. За это давали бутылочку молока, кусочек хлеба или немного вареной картошки. Пасти коз мне очень нравилось. Целый день находилась в лесу, в своей стихии. Козу нашу звали Серка. Шерсть на ней – серого цвета. Была она довольно крупного сложения, с широкой прямой спиной, большим брюхом. Мы с нею были большими друзьями. Когда я пасла стадо, то она все время ходила за мной. Ей то березку наклоню, то осинку – всегда что-нибудь да дам. Идет она домой с большим выменем и дает молока больше, чем обычно. Какие умные животные – козы! Она ходила за мной, как собака.

Сложнее было заготовить корм на зиму – зима у нас довольно длинная. Заготовливали березовые веники, траву.

На заготовку березовых веников, дров-сушняка, кедровых орехов требовалось разрешение лесхоза. А это значит, необходимо приобрести билет. За все это платили деньги, иначе угрожали большим штрафом. С кого же брали эти последние крохи?

Все это на себе носили из леса. Вот пишу эти строки и думаю: сколько всяких тяжестей приходилось мне переносить! Это и извечные дрова, и корм для козы. Сейчас удивляюсь только одному – как это мой организм сумел это все вынести? Как могла дожить до своих нынешних лет? Вот уж действительно Бог любит трудолюбивых и дает им здоровье!

* * *

За лето мама немного окрепла и пошла работать на комбинат, в цех с вредными условиями труда. Вредное производство давало возможность получить большую пайку хлеба. Сначала была рабочей, а потом ее поставили бригадиром. Какая она в это время была изможденная! На ее лице резко обозначились скулы и ярко выделялись большие открытые глаза.

Встал вопрос о том, чтобы продолжать учебу в школе. Теперь уволиться с работы практически было невозможно. К этому времени мне исполнилось уже четырнадцать лет, и по законам военного времени я приравнивалась к взрослым работникам. С завода тогда никого не увольняли. По-

просилась, чтобы меня уволили, потому что хочу учиться в школе. Получила категорический отказ.

В те времена действовал суровый закон: за самовольный уход с работы давали срок заключения от двух до восьми лет, за опоздание на работу – шесть месяцев принудительных работ. Как раз в это время маму вызвали в Свердловский онкодиспансер, чтобы проверить ее состояние здоровья. Она поехала туда еще и затем, чтобы решить вопрос о моем увольнении с завода. Пришла в ОблОНО и попросила помочь мне уволиться с работы. Ответ был такой: «Время военное, ничем помочь не можем». Тут же успокоили: «Скоро после Победы все дети будут учиться». Вот ведь как было!

Мама страшно из-за этого расстраивалась. Ее очень огорчало то, что я не учусь. Вот мы и решили, что я самовольно покину работу и пойду учиться в школу. Это происходило в ноябре, дети учились уже два месяца.

Страшно боялась. Мама настаивала. В школе договорились о том, что пойду учиться снова в шестой класс.

Сложила в портфель книги и свои, самодельные, из оберточной бумаги тетради и пошла. Дорогой представила, что меня посадят в тюрьму. Испугалась! Уж очень много в детстве слышала об этом заведении. Вместо школы прямо с портфелем пошла на работу. Проработала день, вернулась домой, меня спрашивают:

– Как прошел день в школе?

Потупив глаза, призналась в том, что в школе не была,

а была на работе.

На второй день мама сама меня проводила до школы. Тут уж делать было нечего. Школа была небольшая, двухэтажная. Поднялась на второй этаж. Зашла в свой класс и села за парту на свободное место. Села, а у самой слезы полились из глаз. Вид у меня был, наверное, как у затравленного волчонка. Боялась, думала, что вот сейчас за мной придут и арестуют. Был ясный зимний день, постепенно успокоилась.

Литературу у нас преподавала Людмила Васильевна Лобанова. Она же была и классным руководителем. Зашел учитель в класс. Начался урок. На меня не обратили никакого внимания. Дети вроде бы не заметили. Все было как само собой разумеющееся.

Вдруг кто-то постучал в дверь класса. Как я испугалась! Думала, что за мной пришла милиция. Но все обошлось нормально. Учителя, конечно, знали о моем самовольном уходе с работы, но никто не подавал вида. Начала учиться. Вела себя тихо, скромно, я была испугана, испуг просто жил во мне. Но все было спокойно.

Карточки на хлеб я не имела. Чтобы получить карточку, надо было с работы взять открепительный талон и получить теперь уже иждивенческую карточку на свои двести граммов хлеба. Идти в завком боялась. Так и прожила без хлеба два месяца. Продолжала учиться. Никто меня не искал и не тревожил.

Сколько так могло продолжаться? Пошла в завком для то-

го, чтобы получить открепительный талон. Сотрудники меня радостно встретили и говорят:

– Почему ты, Галя, не приходила за открепительным талоном?

Отвечаю им:

– Боялась.

Тогда меня направляют в отдел кадров, чтобы оформить расчет. Начальником отдела кадров был муж нашей сотрудницы. Это был мужчина солидного возраста, с очень суровым лицом, в военной форме. Захожу, дрожащая, к нему в кабинет. Назвала свою фамилию. Он, ни слова мне не говоря, берет телефонную трубку и звонит... прокурору. Говорит ему о том, что на меня были посланы документы в прокуратуру, и спрашивает, в каком состоянии находится это дело. Дело о самовольном уходе с работы. Трудно передать, что со мной творилось в этот момент! Не знаю, что ему ответил прокурор. Он положил трубку, помедлил (это были страшные минуты в моей жизни) и сказал, чтобы написала заявление об увольнении. Дрожащей рукой писала я это заявление. Он взял его и наложил резолюцию об увольнении.

Не веря своим глазам, ничего не соображая, иду оформлять расчет. Захожу в свой отдел. Сотрудники рады за меня. Видя мое состояние, успокаивают и говорят:

– Что же ты раньше не шла за талоном? Как же ты жила все это время без хлеба?

Они мне сочувствовали. У меня же радости не было. Была

в каком-то шоке, вся скована страхом. Долго не могла прийти в себя. Милые мои, хорошие люди!

Как они всегда хорошо ко мне относились, а в тот момент – в особенности. Всю оставшуюся жизнь буду с благодарностью помнить этих людей!

Особенно хорошие воспоминания у меня остались о бухгалтере завкома. Она старалась обучить меня бухгалтерскому делу, при этом говорила:

– Вряд ли ты сможешь учиться дальше. Приобретай эту специальность. Она тебе пригодится в жизни.

Дорогие слова! Действительно, освоила какие-то азы этой специальности, научилась считать на счетах. Хотя в дальнейшем не стала бухгалтером, но если мне по работе приходилось решать вопросы, связанные с бухгалтерией, то зачастую слышала удивленный вопрос:

– Откуда ты это знаешь?

Даже небольшие знания в этой областигодились.

В самом конце войны завод возвратился назад в Кунцево, поэтому больше не видела своих бывших сотрудников. Как бы мне хотелось им сказать «спасибо» за поддержку в то страшное время. Сказать, что я стала кандидатом наук. Представляю, как бы они за меня порадовались. Мне большую часть жизни, а особенно в начале ее, встречались хорошие люди.

Стала учиться. По сравнению со своими сверстниками я была какая-то повзрослевшая, более спокойная. Детские игры меня стали привлекать меньше. Многого надо было навёрстывать в учебе. В доме вся основная работа оставалась по-прежнему на мне. Мама же приходила страшно уставшая. Работала она по двенадцать часов. Вот смотрю на ее фотографию тех времен. Она была до предела худая, измученная. Если подходить по современным меркам, то жизнь в ней еле теплилась. Бедная, бедная моя мамочка! На работу ей ходить совсем было не в чем. Валенки не было. В наши лютые уральские морозы она ходила в резиновых калошах.

Вспоминаю, как мы жили и просто удивляюсь, как же много заложено жизненных сил в организме человека! Тюрма, тяжкая болезнь, вредная работа, голод – а человек продолжает жить. По-видимому, нечеловеческие силы придавали ей мы – дети. Она жила и боролась за жизнь ради нас. Недаром говорят, что самые выносливые живые существа – это люди. В каких бы условиях жизни человек не оказывался, он выживает, в то время как животное не всегда бы выжило.

Окончила шестой класс со средней успеваемостью. Наступило лето. Это пора заготовок, сена, веников для козы. Целые дни проводила в лесу. Иногда ездила в Верхотурье – город, который располагался недалеко от нас. Вокруг этого небольшого городка было больше деревень, и достать продукты проще. Туда ходили поезда, но купить билет было

невозможно. Билеты продавались по специальным разрешениям. Ездили «зайцами» в тамбурах, на товарных поездах. На некоторые товарные вагоны были прикреплены металлические скобы в виде лесенки. Я ездила, зацепившись за них. Буквально висела на вагоне, а сзади за спиной тянул рюкзак с продуктами, которые могла купить или выменять на базаре. Часто товарные поезда не останавливались на нашей станции, проходили мимо. За нашим городом был железнодорожный мост. Обычно поезда уменьшали скорость движения перед мостом, тогда я и спрыгивала со скоб.

Однажды, прыгая, зацепилась за что-то юбкой и повисла. Поезд шел уже на большой скорости. На счастье, юбка разорвалась, и я упала под откос. Содрала все руки, ноги. Но это были пустяки в сравнении с тем, что могло случиться. Все-таки Бог меня берег.

Затем научилась такой хитрости: подходила на станции к паровозу, идущему в нашем направлении, и просила машиниста подвезти. В большинстве случаев мне это удавалось. Меня брали прямо в паровоз к машинисту (это было безопаснее, чем висеть на скобах). Если виднелся зеленый свет, когда подъезжали к нашей станции, и поезд проходил мимо, то перед железнодорожным мостом машинист сбавлял скорость, и я выпрыгивала из кабины. Удивляюсь только одному – как оставалась жива, совершая такие прыжки?

Иногда ездила на поездах в компании со взрослыми. Вспоминаю одну нашу поездку. Поехали за картошкой. Дело

было зимой. Взяли с собой мешки, старые одеяла, чтобы укутать картофель, и большие сани. Надо было залезть в тамбур вагона товарного поезда, чтобы тебя не заметили, а тут еще сани! Что делать? Кто-то придумал:

– Давайте сани привяжем к последнему вагону.

Так и сделали. Сами заскочили в тамбур. Поезд пошел. Поехали мы и наши сани. Всю дорогу смеялись над своей хитростью. Так мы и доехали до станции. На наше счастье, поезд остановился. Отвязали сани и пошли пешком на базар. Набрали продуктов, кто что мог, и нагруженные шли пешком по рельсам обратно. Вот удивительно – никакого роптания на жизнь не было. Все воспринималось в порядке вещей. Ведь шла война!

* * *

В наш городок стали поступать раненые с фронта. В одной из самых больших школ города был организован госпиталь. Как не вспомнить нашу Людмилу Васильевну! С фронта вернулся наш местный парень, раненый и комиссованный от военной службы. У него было серьезное ранение легких. Красивый, высокий, с военной выправкой. Он стал работать в школе военруком. Эти два наших преподавателя подружились между собой, а затем и поженились. Мы их очень любили. Они руководили нашей самодеятельностью. Ставили с нами пьесы, разучивали стихи, танцевали, пели. У меня

актерских талантов не было. Могла только играть маленькие роли в пьесах, декламировать стихи трагического содержания. Мне это больше подходило и лучше получалось.

Я так выразительно, проникновенно читала эти стихи, что часто у слушателей видела слезы на глазах. Мы выступали перед ранеными в госпитале, иногда прямо в палатах неходячих больных. Вспоминаю этих людей, в повязках, внимательно слушавших нас. А их глаза! Чувствовалось, что они вспоминали свои дома, семьи, детей. Мы же были просто окрылены успехом. Нам очень нравилось доставлять радость нашим воинам. Русские солдаты всегда отличались стойкостью, выносливостью, терпеливостью. Ведь только они могли победить в этой страшной войне!

Однажды в школе нам предложили собирать в лесу шиповник для госпиталя. Зима, земля покрыта снегом.

Ягоды шиповника виднелись на открытых местах из-под снега. Они были замерзшие, но очень сладкие. Мы – школьники – надели лыжи и пошли в лес. На лыжах неплохо ходили все дети. Переезжая от куста к кусту, собирали ягоды. Было даже и такое!

А дрова?.. Ох уж эти дрова, дрова! Сколько вязанок пришлось перетаскать – не счесть! Заставляли их заготавливать и для школы. Летом всем классом, с пилами и топорами, уходили в лес и заготавливали сушняк. С нами были учителя. Складывали дрова в поленицы, а зимой привозили в школу. В школе опять же учеников заставляли распиливать эти

дрова для топки.

Мало того, электростанция в городе работала на дровах. На комбинате были огромные штабеля бревен. На каждую семью была положена норма распиловки бревен. Кто этого не делал, у того отключали свет. И вот мы своей семьей – бабушка, мама и я – выполняли эту работу. Не знаю, сколько мы заготовили дров – ясно было, что норму выполнить мы не смогли, но электричество у нас не отключили.

В седьмом классе училась уже лучше, чем в шестом. Закончила семилетку. В школе сделали выпускной вечер. Платье для вечера у меня было, а вот обуви – нет. Купили мне ботинки на толстой деревянной подошве. Вместо кожи была какая-то ткань. Когда идешь по деревянным тротуарам в таких ботинках, стук от них слышится далеко. После торжественной части на вечере были танцы. Когда пошла танцевать, раздался стук. Все засмеялись. Страшно смутилась, стала в сторонку и так простояла весь вечер. Мне было горько и обидно! До сих пор больно вспоминать этот первый в моей жизни выпускной вечер!

* * *

После окончания семилетней школы решила поступить в медицинское училище на фельдшерское отделение. Училище располагалось недалеко от нашего городка, в городе Серове.

Сдала документы. Приехала на вступительные экзамены. Первым экзаменом был диктант. Я этого экзамена совершенно не боялась. Учась в школе, я лучше всех в классе писала диктанты. Получала «пятерки», реже «четверки». Как сейчас понимаю, у меня всегда хорошо была развита зрительная память (и до сих пор). Была какая-то интуиция к написанию слов. Я могла не знать правила, но тексты писала правильно. Может быть, происходило это потому, что любила читать книги. Иногда мои одноклассники на диктантах садились со мной или около меня, чтобы списывать. А тут вдруг на вступительных экзаменах получаю... «двойку»! До сих пор не могу понять, как это произошло?! В общем, в медицинское училище не поступила. Страшно расстроилась! Приехала домой, рассказала, что по диктанту получила «двойку». Никто не поверил, даже в школе, но факт остается фактом.

* * *

Осенью пошла учиться в восьмой класс средней школы (новая для меня школа). Она была одна на весь городок. Здание школы красивое, просторные классы, коридоры. Кругом было много цветов. На третий день учебы нас отправили в колхоз на уборку картофеля. Колхоз находился от города на расстоянии двадцати шести километров. Транспорта никакого не было. Всем классом шли пешком во гла-

ве с нашим преподавателем физкультуры. Колхоз представлял собой небольшую деревеньку, расположенную на некотором возвышении над остальной местностью. Слева от нее простиралось огромное клюквенное болото с небольшими, словно подстриженными, сосенками.

Для жилья нам отвели пустую избу. На пол натаскали соломы, и мы спали на ней вповалку. Электричества не было. Вставали рано утром и шли на поле – собирать картофель из-под плуга, который тащила лошадь. Был сентябрь. Погода в это время слишком изменчивая. Хорошие, теплые, солнечные дни сменялись холодным осенним морозящим дождем, иногда с ветром и снегом. Одежда и обувь были плохонькие, но несмотря на это мы работали в полную силу, не ленились.

Однажды проснулась ночью, вышла во двор (в туалет). Кругом темно, ничего не видно. Наткнулась на что-то острое и сильно уколола глаз. Ничего никому не сказала и легла спать. Уснуть не могла, терпела боль. Промучилась до утра. Утром мой глаз заплыл и закрылся. Наш руководитель испугался и решил отправить меня домой. А тут заболела еще одна девочка. Вот мы с ней вдвоем шли пешком через лес, отмеряя километры. Так и пришла домой с закрытым глазом. Меня сразу же повели к врачу. Начали лечить, и, слава богу, все обошлось благополучно. Зрачок был не поврежден, но небольшая отметина в глазу осталась на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.